

«Убивая Еву» встречается
со «Снеговиком»

НЕОНОВЫЙ УБИЙЦА

Он хочет, чтобы его имя сияло
ярким светом...

ДЖ. С. ЛОК

Альфа-триллер

Дж. С. Лок

Неоновый убийца

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Лок Д.

Неоновый убийца / Д. Лок — «Эксмо», 2020 — (Альфа-триллер)

ISBN 978-5-04-110446-7

Детектив Мэтт Джексон оказался на краю пропасти. Его любимая жена стала очередной жертвой Неона – неуловимого серийного убийцы, создающего грандиозные неоновые инсталляции из тел убитых им женщин. Жизнь потеряла для Мэтта всякий смысл. Не в состоянии наложить на себя руки, он заказывает собственное убийство наемному стрелку – женщине по имени Айрис. Заказ нельзя отменить, но внезапно в деле Неона появляется новый след... И начинается сложная игра, в которой участвуют три игрока: полицейский, киллер и маньяк. Причем не всегда бывает понятно, кто же за кем охотится...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-110446-7

© Лок Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	11
3	13
4	16
5	18
6	21
7	23
8	26
9	28
10	29
11	31
12	35
13	40
14	43
15	45
16	48
17	51
18	52
19	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дж. С. Лок

Неоновый убийца

G.S. Locke

Neon

Copyright © G.S. Locke 2020.

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

В память о моей маме и ее родных – уроженцах Черной Страны¹

¹ Черная Страна (англ. Black Country) – историческое название значительной территории английского региона Западный Мидленд, в котором была сосредоточена большая часть угледобычи и тяжелой промышленности; примерно такое же прозвище, как «Ржавый пояс» в США. – Здесь и далее прим. пер.

1

Он все таращился на сиротливую чашку кофе, которую заказал час назад, – все еще полную до краев.

Чья-то крепкая рука стиснула его плечо, так что скрипнула кожа куртки.

– Может, налить свеженького, погорячее?

Вздрыгнув, он поднял голову и встретился взглядом с Роберто.

– Ну да, – проговорил он. – Извини.

В числе множества вещей, которые Мэтт Джексон узнал после смерти Полли, было то, что роль объекта жалости ему глубоко ненавистна. Он мог поклясться, что на похоронах, всего несколько дней назад, коллеги из полиции посматривали на него со смесью сочувствия и чего-то граничащего с презрением. Особенно этот гаденыш, Маркус Броун. Отношения со старшим детективом-инспектором, ответственным за дело Полли и только что назначенным новым руководителем расследования по «делу Неона» – *его расследования*, – не сложились с самого начала. При любом убийстве супруги всегда оказываются в самом начале списка подозреваемых, но версия, будто он вздумал избавиться от собственной жены, симитировав почерк серийного убийцы, вызывала у него стойкое желание выволочь Бруна в темный переулок и долго выбивать из него мозги.

– Двойной эспрессо, Андреа! – крикнул Роберто через плечо. – За наш счет.

Давление на плечо усилилось.

– Ты вообще как, Мэтт?

Вопрос был не из тех, что требуют правдивого ответа. Джексон подыграл, пробурчав что-то нейтральное, и ответ практически потонул в треске перемалываемых кофейных зерен, хлопотании молока и сверкании хрома. Особенно чувствительный к свету в эту минуту, он прищурился.

– В первые дни паршивей всего, – сочувственно произнес Роберто. – Тебе нужно отдохнуть. Нужно *выспаться*.

Если б только! В те редкие минуты, когда в голове не проигрывалось случившееся раз за разом и ему удавалось заснуть, он молился, чтобы вмешалась Судьба и, заснув, он так и не проснулся бы.

Открылась дверь, впуская струю холодного, сырого ноябрьского воздуха и еще нескольких посетителей. Шум, гам. «Как делишки?», «Все м привет!». Довольный тем, что Роберто придется отвлечься, Мэтт скривил губы в сухой улыбке – мол, у меня все о'кей, иди встречай народ.

Когда на столе появилась чашка свежего кофе, он вновь затерялся в темных просторах потери и одиночества. Сколько он еще выдержит? День, два, три дня подряд? В жопу все это. Лучше поскорей со всем этим покончить, а дальше хоть трава не расти.

Сунув руку в задний карман джинсов, Мэтт вытащил бумажный квадратик с липкой полоской – обычную офисную бумажку для записок, на которой Кенни Флоуэлл, один из его давних информаторов, накорябал подтекающей шариковой ручкой некий телефонный номер.

Сделав глубокий вдох, Джексон потыкал в клавиши мобильного. Два гудка.

– Джон слушает.

Устройство, искажающее голос, придало этой простой фразе интонации киношного злодея из какого-то боевика лихих девяностых, требующего выкуп.

Вздрыгнув от неожиданности, Джексон нажал на «отбой» и отшвырнул телефон, который проехался по пластиковой поверхности стола. Чашка перекосилась, выплеснув часть кофе в блюдце. «Нехорошо вышло». Он осторожно огляделся и выдавил виноватую улыбку, адресо-

ванную тем, кто стал свидетелем этой неожиданной выходки, – то есть адресованную никому, поскольку никто, похоже, никакого внимания на него не обратил.

«Спокойствие, – приказал себе Мэтт. – Дыши глубже!» Это как раз то, что сказала бы в такой ситуации Полли, и на миг он представил себе ее чудесную улыбку, заряженную спокойной уверенностью и непоколебимой верой. Ей всегда удавалось обуздать его там, где все прочие терпели поражение, – не считая разве что последних шести месяцев, когда расследование придавило его настолько, что напрочь лишило сна и стало уже едва ли не навязчивой идеей. Он круглые сутки торчал за компьютером, без усталости щелкая мышью и по двадцатому разу открывая давно уже просмотренные фото с мест преступлений, силясь высмотреть какие-то общие знаменатели и обнаружить хотя бы крошечные зацепки. К его великому стыду, достучаться до него в такие моменты было совершенно нереально; он наглухо закрывался и проявлял открытую враждебность ко всем, кто становился у него на пути, – увы, это касалось и его собственной жены... Господи, и без того все было плохо! Но то, что произошло потом, стало преследовать его каждую свободную ото сна минуту, и, что хуже всего, он и помыслить не мог, как все обернется.

Доверяя экспертам, Джексон всегда считал, что серийные убийцы связаны определенными поведенческими схемами, живут в соответствии с неким придуманным ими самими извращенным кодексом и выбирают совершенно определенный тип добычи – обычно женщин послабей и поуязвимей, хотя и не всегда склоняются исключительно к женскому полу. Что предпочитают действовать на знакомой территории, которой в данный момент были улицы Бирмингема. Тот урод, за которым он охотился, ловил кайф от успешных деловых женщин – более уверенных в себе, более привлекательных внешне. Питал истинный вкус к драматическому, сенсационному пусканию пыли в глаза, театральным эффектам – был настоящим артистом, если в данном случае это вообще подходящее слово. Представлял собой нечто вроде извращенного Бэнкси²: сделал свое дело, удивил всех и исчез, никому не попавшись на глаза. Что потрясло почти так же, как и сама манера, в которой он демонстрировал свои ужасные сцены. Дерзкий, готовый полагаться как на тщательно разработанный план, так и на удобный случай, Неон, как окрестила его пресса, получал удовольствие исключительно от публичности своих работ.

С пересохшим горлом и противным жжением в животе Джексон припомнил Вики Уэй-нрайт, первую жертву Неона. Вики – уроженка Дарема, совсем недавно получившая должность в солидной адвокатской фирме, – отбилась от подружек во время разгульного девичника. В ночь, когда переводили часы на час назад³, ее каким-то образом заманили в квартиру неподалеку от Почтового Ящика – огромного торгового и офисного центра, расположенного по соседству со зданием Би-би-си. Здесь, несмотря на обилие охранников и камер слежения, ее и задушили.

Первым, что ему запомнилось, когда он оказался на месте преступления, было характерное пронзительное зудение – результат пульсации газа в стеклянных трубках под воздействием переменного электрического тока. В оставленную открытой дверь на балкон тянулись толстые макароны проводов, подсоединенных к трансформатору, который был подключен к одной из розеток внутри квартиры. Трансформатор запитывал несколько неоновых вывесок.

Полностью одетое тело Вики было уложено в шезлонг на балконе. Могло показаться, что она просто спит, если бы не висящая в воздухе вонь. Там, где кого-то недавно убили, всегда стоит совершенно определенный запах, и Джексон был с ним слишком хорошо знаком.

² Бэнкси – псевдоним английского андерграундного художника стрит-арта, политического активиста и режиссера, настоящее имя которого до сих пор остается неизвестным. В случае с уличными граффити публике всегда доставался только готовый результат – никому так и не удалось застать художника за работой.

³ Последнее воскресенье октября.

При внимательном осмотре обнаружились характерные отметины вокруг шеи, оставленные удавкой, сломавшей ей подъязычную кость. Под бровями и на веках краснела петехиальная сыпь – беспорное свидетельство гибели от удушья. Свидетелем подобного Мэтт становился не раз, но впервые видел, чтобы тело сияло огнями, словно ярмарочный аттракцион. Эффект это производило такой, будто женщина погребена в саркофаге из разноцветного стекла. В Ллойд-хаусе⁴ едва не обвалилась связь, когда туда десятками принялись названивать встревоженные обыватели.

Неоновая картина изображала карикатурный разинутый рот с торчащим из него красным языком, который нависал прямо над головой у убитой. Ультрафиолет в флуоресцентных трубках буквально выжигал сетчатку, набрасывая на мертвое лицо резкие черные тени. Смутно припомнилось, что вроде схожий сюжет он уже где-то видел. Ну да, у «Стоунз» – на обложке альбома «Липкие пальцы».

Потрясенный и растерянный, тогда Джексон даже не подумал, что подобное «произведение искусства» могло произрасти на местной почве. Нет, неоновая надпись «Конец игры», поставленная прямо перед телом и сияющая всем, у кого хватало духу ею любоваться, выглядела явно винтажной. При виде ее он ощутил натуральную тошноту, но все же надеялся, что восстановленная вывеска может оказаться зацепкой.

В ходе следственных мероприятий удалось проследить ее до одной лондонской фирмы, которая закрылась десять лет назад. Ни чеков, ни накладных. Ни к чему не привели и попытки обнаружить следы ДНК преступника – квартира сдавалась внаем на регулярной основе, и предыдущие постояльцы оставили в ней натуральную кашу из биологического материала.

Два месяца спустя в полиции Западного Мидленда вновь загремели тревожные колокола. Когда поступило сообщение о том, что убийца вновь нанес удар, Джексон, к своему стыду, ощутил некий мрачный подъем. Все элементарно: чем больше эпизодов, тем больше шансов прищучить Неона. Правда, делиться этой мыслью с родителями Ванессы Бут явно не стоило.

Ванесса, торговый представитель крупной фармацевтической фирмы, участвовала в какой-то конференции в городе и, как и предыдущая жертва, тоже оказалась за пределами своей «зоны комфорта». Как и Вики – да и как большинство празднующейся публики, наводнившей бирмингемскую Брод-стрит, – она основательно приняла на грудь и для промозглого зимнего вечера была слишком легко одета. Другими словами, представляла собой легкую добычу, с точки зрения какого-нибудь психа.

Войдя через огромные бронзовые двери Зала Памяти на площади Столетия, лишь недавно открытого после масштабной реставрации, охватившей и весь прилегающий район, Джексон чуть не ослеп. Это было все равно что смотреть на солнце в момент затмения. Прямо у подножия напоминающего саркофаг возвышения, воздвигнутого в память солдат, павших на полях сражений Второй мировой, возлежало обнаженное тело Ванессы, освещенное нестерпимо ярким мерцающим светом и словно обернутое перемещающимися пурпурными, кислотно-зелеными и бледно-желтыми лентами. Буйство света и красок резко контрастировало с темным витражным окном в глубине зала. Почерк был тот же самый. Пустота в глазах и вялая синюшная кожа трупа наводили на мысль, что к моменту обнаружения Ванесса, в отличие от предыдущей жертвы, была мертва как минимум несколько часов. Ее тонкое платье было небрежно брошено на стоящую поблизости бронзовую витрину, где под стеклом лежали две книги памяти с именами погибших солдат. Старшина криминалистов, составлявший схему места преступления, даже не сразу его заметил, поскольку усыпальницу едва ли не целиком загораживала прислоненная к ней огромная неоновая надпись «Христос – это любовь». На тот

⁴ Ллойд-хаус – здание в центре Бирмингема, в котором располагается управление полиции Западного Мидленда (здесь имеется в виду регион на западе Англии, а не входящее в его состав метропольное графство Уэст-Мидлендс, название которого по-английски пишется точно так же).

момент Джексон не мог придумать чего-нибудь более далекого от истины. Шлепок по физиономии. Вытянутый средний палец. «Имел я вас всех!» Обитель скорби выглядела теперь словно увеселительный балаган в курортном приморском городке в разгар сезона.

И хотя, в теории, любой контакт оставляет след, убийца проявил похвальную предусмотрительность – с точки зрения криминалистов, место преступления оказалось едва ли не стерильным. «Черт бы его побрал!»

В марте – новый эпизод. На сей раз жертвой Неона оказалась Джина Дженкс, журналистка из крупного, работающего на всю страну таблоида. Тут Джексон решил, что в расследовании наконец-то наметился долгожданный прорыв.

В надежде сделать себе имя – «воссиять на журналистском Олимпе», как в таких случаях принято выражаться, – Джина решила предпринять собственное расследование деяний серийного убийцы, получившего прозвище Неон. В Мидленде она провела целую неделю и – обычная история – успела задать слишком много вопросов в слишком многих местах. Ее брошенный автомобиль нашли в окрестностях Сметвика⁵, а вот тело журналистки обнаружилось в самом центре Бирмингема – усаженным верхом на огромного бронзового быка, украшающего пешеходный пассаж торгового центра под названием «Буллинг».

Облаченный в защитный пластиковый комбинезон, Джексон стоял с отвисшей челюстью, пытаясь не выдавать своего ошеломления, и только повторял про себя: «Господи, помилуй!»

Свет лился на знаменитую статую под всеми мыслимыми углами, преломляясь и отражаясь в стеклах окружающих магазинных витрин, соперничая с сияющими в них огнями. Расставленные вокруг бронзового быка неоновые вывески, одна из которых гласила: «Некоторые любят погорячее»⁶, гудели и завывали на все лады. Джексону казалось, что он очутился внутри осинового гнезда. Неон не имеет запаха, но Мэтт отчетливо ощутил некий кислотный душок – так пахнет страх.

С кружащейся головой и противной пульсацией в затылке он попытался сфокусировать взгляд. Во рту вдруг пересохло, легким стало тесно в груди. Прищурившись, внутри нестерпимо сияющего светового кокона Джексон наконец разглядел Джину, восседавшую на спине у быка, словно леди Годива⁷. Обнаженное тело переливалось всеми цветами радуги, ослепительное в своем вульгарном бесстыдстве. У скульптуры обнаружилось еще одно дополнение – с шеи быка свисала небольшая неоновая вывеска с именем Джинны, светящаяся кислотно-розовым светом. Если у Джексона и были какие-то сомнения относительно способностей убийцы все тщательно планировать и скрупулезно следовать плану, то теперь они улетучились без следа.

А потом, полгода спустя, наступил черед Полли. И с ней Неон превзошел сам себя.

При этом воспоминании рот Джексона наполнился желчью, а с этой горечью пришло и стремление поскорей завершить начатое.

Звякнул оброненный кем-то молочник, и он едва не подпрыгнул на стуле. Опять подхватил телефон, ткнул на «Повтор». На сей раз остался на линии. Нервничал, опасливо прислушиваясь к звукам в трубке.

– Я хочу сделать заказ на вынос.

– Из стандартного меню? – проскрипел в ухо измененный искажающей программой голос.

– Да, будьте добры.

– Вам известны условия оплаты?

– Известны.

⁵ Городок неподалеку от Бирмингема.

⁶ «Некоторые любят погорячее» – музыкальная кинокомедия 1959 г., известная у нас под названием «В джазе только девушки».

⁷ Годива – англосаксонская графиня, жена эрла Мерсии Леофрика, которая, согласно легенде, проехала обнаженной по улицам города Ковентри в Англии ради того, чтобы ее супруг снизил непомерные налоги для своих подданных.

– На какое время?

Он закашлялся.

– На сегодня, на десять вечера.

Томительная пауза.

– Это сложно?

– Нет. Давайте адрес.

Джексон назвал номер дома в Кингз-хит – пригородном районе в пяти милях к югу от центра.

– Есть какие-то проблемы с доступом на объект?

– Никаких. Дом чуть в стороне от улицы, в конце дорожки.

На другом конце линии одобрительно буркнули:

– Имя?

– Мэттью Джексон.

– Описание?

– Белый мужчина, тридцать восемь лет, шесть футов один дюйм, восемьдесят три кило, карие глаза, темные вьющиеся волосы, лицо бледное, полная нижняя губа, на левой щеке шрам. Я сейчас пришлю фото.

Сделав дело, Мэтт допил кофе и встал, ухватив отражение своего осунувшегося лица в зеркальной стене напротив. Оттуда на него смотрел человек, которого он едва узнавал. Оставалось лишь надеяться, что киллер, которого он только что нанял, чтобы убить самого себя, не столкнется со схожей проблемой.

2

Айрис Палмер жила на улице, которую политики назвали бы торжеством мультикультурализма⁸. Сама же Айрис никакого торжества тут и близко не наблюдала. Да, в Эдбастоне есть и шикарные кварталы, но она обитала в натуральной дыре, где всевозможные этнические группы существовали каждая сама по себе, относясь ко всем прочим с презрением или, что еще хуже, с полным отсутствием интереса. Выходцы из Западной Индии, с которыми она росла, давно съехали, их место заняли азиаты. Азиаты недолюбливали поляков. Поляки недолюбливали румын. Она, будучи просто молодой белой женщиной, вообще в расчет не принималась. Ну и пусть. Ей с ними детей не крестить.

Из окна ее квартирки на верхнем этаже, смотрящего прямо на стену соседнего дома – буквально доплюнуть можно, – при большом желании можно было углядеть кусочек канала, в грязных глубинах которого отражалось темное угрожающее небо. Агент, сдававший ей квартиру, малый с гнусавым бирмингемским прононсом, особо напирал, что вид на воду – это круто. Придурок.

Подхватив свою «дежурную» сумку, в которой сегодня лежали собачий поводок, папка с зажимом, перцовый баллончик и топографическая карта, охватывающая район расположения объекта, Айрис на цыпочках сбегала вниз по лестнице и потихоньку выскользнула из дома.

Холод сразу куснул за щеки, словно наброшенная на лицо мокрая тряпка. Обернувшись напоследок, она вздохнула и поспешила прочь. Самочувствие – просто отвратное. Задолбала бессонница, какую уж ночь подряд не заснуть по-человечески. Одежда висит как на вешалке, за последние дни сразу несколько кило в минусе. Просто кусок в горло не лезет – никогда такого еще не бывало. Ладно, потерю веса еще можно пережить. А вот бессонница – это совсем ни к чему. В ее деле нужна быстрота реакции.

Ее точкой назначения этим утром был гараж, втиснутый между владениями некоего мистера Мо и миссис В. из Восточной Европы (не путать с миссис В. из Бангладеш). Хрен знает, как вообще эти фамилии целиком произносятся. «Селедки в банке» – вот основной принцип архитектуры и народонаселения в этой части города.

Пара сапог, торчащих из-под лохматого «Воксхолла Астры» годика эдак девяносто третьего, вскоре известила, что она практически на месте. Айрис пнула подошву ближайшего к ней сапога. За ногами последовало туловище, а за ним и голова, покрытая слипшимися черными локонами. Пока в мире есть хотя бы один Кит Пэриш, производители «Брилкрима»⁹ могут не переживать насчет спроса на свою продукцию.

– А-а, даравеньки, Айрис!

Она так и не поняла, с чего это в его приветствии вдруг прорезался характерный говорок Черной Страны – то ли из уважения к ее корням, то ли чтобы чисто подковырнуть. Отвечать не стала, сразу перешла к делу. Глаза ее остановились на небольшом белом фургончике, притулившемся возле ворот бокса для техосмотра. Кит проследил за направлением ее взгляда.

– Да ты чё, Айрис, что я скажу владельцу?

– Что через пару часов он получит его обратно.

Кит вытер свои замасленные лапы прямо о комбинезон и поджал губы, словно погрузившись в некие серьезные размышления.

– Только не изображай мне тут делового! Ты мне до сих пор должен.

⁸ Мультикультурализм – политика, направленная на сохранение и развитие в отдельно взятой стране культурных различий, проводящаяся в последние годы в странах Европы и США. Противопоставляется концепции «плавильного котла», где предполагается слияние всех культур в одну.

⁹ «Брилкрим» – марка геля для укладки волос.

Напоминание о долге произвело гальванизирующий эффект.

– Ща принесу ключи. Только к обеду верни.

Ровно через восемь минут, под гроыхание какой-то композиции группы «Волф Элис»¹⁰, передаваемой местной радиостанцией, Айрис уже катила с дозволенной правилами и контролируемой дорожными камерами скоростью по Хэджли-роуд – среди прочих рабочих пчелок, чьи зарплатные чеки магическим образом оседали на их счетах в конце каждого месяца. Вот уж кому неведомо, как достается кусок хлеба, когда действуешь исключительно на свой страх и риск...

Пока Элис, или кто там еще, пела про то, как все ей наскучило до смерти, в нагрудном кармане у Айрис завибрировал мобильник. Всякие неожиданности при ее работе – обычная история. Быстро поглядев по сторонам – не хватало еще влететь на штраф на «одолженной» тачке, – она вытащила телефон и глянула на высветившийся номер. Если сердце может падать, то у нее оно натурально рухнуло. Айрис, поспешно вырубив радио, нажала на «принять».

– Айрис?

– Да.

– Это мистер Гаджен.

Она и так знала, кто это. И по-прежнему не могла понять, почему специалист по онкологии не называет себя доктором, но так уж он сразу настоял – «мистер», и точка.

– Здравсте, мистер Гаджен.

– Ты не могла бы подъехать?

– Когда?

– Скажем, в ближайшие полчаса.

Когда такой профессор кислых щей немедля тебя требует, явно что-то стряслось.

Айрис скривилась. Черт, до чего же не вовремя! Надо срочно изучить территорию, пробить адрес – все ли там соответствует тому, что описал клиент...

– Айрис, пришли результаты анализов, и я просто не могу выразить, насколько важно нам все это обсудить. Мы всегда с тобой были за честность и прямоту. Ты понимаешь, о чем я?

Все она поняла.

– Сколько?

– В смысле?

– Давайте честно и прямо, как вы сказали.

– Айрис...

– Я хочу знать прямо сейчас.

Гаджен устало вздохнул:

– Месяц, может, два. Сам не знаю. Статистика выживаемости при остеосаркоме сильно плавает. Бывает, что не сбываются даже самые печальные прогнозы.

Она призадумалась. А вдруг действительно? Смеет ли она надеяться? Как там кто-то говорил: «Не будет здоровья – не будет ничего. Ни денег, ни работы – вообще ничего не будет».

– Буду к десяти.

Человек с фотографии вполне может подождать.

¹⁰ Wolf Alice – британская альтернативная рок-группа, основанная в Лондоне в 2010 г.

3

Выйдя на площадь Святого Павла, Мэтт Джексон поднял воротник куртки и поежился. Как убить оставшиеся двенадцать часов? Большинство провели бы их у себя дома, только вот дома у него больше не было. Когда его жилище стало местом преступления, пришлось снять однушку в Ювелирном квартале. Просто место, чтобы было куда «кинуть кости», где можно укрыться, как в норе, где тепло и сухо. Никаких сантиментов по отношению к этому временному прибежищу он не испытывал, но это всяко лучше, чем морозить яйца на улице. Однако для начала надо взять бутылочку вискаря. И согреет, и нервишки успокоит.

В десять утра пабы еще закрыты – не считая тех, что успели превратиться в круглосуточные закусовые с подачей завтраков. Мэтт заскочил в одно из таких заведений, которое приглянулось его коллегам из отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Шон, владелец точки, давно уже привык к его просьбам продать бутылку-другую в неурочное время и лишних вопросов не задавал.

– Как обычно? – только и поинтересовался Шон. Здоровенный тип с лапищами, что твои весла, он больше походил на вышибалу, чем на бармена.

– Давай сразу две. – Джексон выдал улыбку, от которой заболела челюсть. – Чувствую, что...

А что он чувствовал? Явно не радость.

– Да ладно, можешь не объяснять, – отозвался Шон, выставляя на стойку две бутылки «Беллз».

Джексон протянул ему три двадцатки.

– Сдачи не надо.

Там, где он скоро окажется, мелочь ему не понадобится.

– Даже не думай, старина. – Толстыми пальцами Шон порылся в выдвижном ящике под кассой. – Держи.

Вручая Джексону мелочь, он добавил:

– Мороженого себе купишь.

Мэтт выдал еще одну улыбку, поблагодарил его, подхватил бутылки, засунул их под мышку и поплелся в свое временное обиталище. Все, теперь можно пить, пока его время окончательно не выйдет. А вот умереть будет более к месту там, где он был так счастлив с Полли.

Старинные предприятия, исторически связанные с ювелирным ремеслом, георгианская архитектура, творческие мастерские, во множестве расплодившиеся благодаря инициативе городских властей, туристы, привлеченные артистической атмосферой, столь отличавшей Ювелирный квартал от всего остального города, – все это сейчас проплывало мимо него незамеченным. Его единственной целью было нажраться в хлам и, при удаче, обрести то благодатное состояние, что располагается где-то между блаженным забвением и полной отключкой. Совсем отключаться все-таки не стоило.

Вернувшись в квартиру, Джексон врубил отопление, плюхнулся на диван, налил в стакан на добрых четыре пальца и тут же хватил одним махом. Хорошо пошло! Но едва он успел налить еще и поднести стакан к губам, как в прихожей заверещал домофон. Джексон выругался. Если не отвечать, может, тот, кого черти принесли не вовремя, сам уберется прочь? Приложился к стакану. На сей раз верещание в динамике сменил знакомый голос:

– Мэтт, открывай эту чертову дверь! Я знаю, что ты там! Я только что видел Шона.

Джексон испустил стон, одним глотком прикончил остатки в стакане, встал, подошел к двери и нажал на кнопку замка. Буквально через несколько секунд в его крошечной комнатке, совмещенной с кухней, возник Мик Карнс, выражение на худощавом лице которого подска-

зывало Мэтту, что тот весьма им недоволен. Это ясно читалось в его глазах, уголки которых загнулись книзу, и в точно так же загнувшихся книзу уголках рта.

– Ну что еще? – не без вызова поинтересовался Джексон. И с чего это вдруг в теле такая легкость? «Видать, с того, что я убрал четверть бутылки виски, когда еще и одиннадцати не стукнуло», – предположил Мэтт.

– Бухло не вернет тебе Полли.

– Как-нибудь без советчиков обойдусь! – Теперь он уже откровенно набычился, как это бывает с пьяными.

– И не поможет вновь обрести... – Мик кашлянул, не в состоянии подобрать подходящего слова.

– Чувство собственного достоинства, ты хотел сказать?!

– Вообще-то, скорее должную самооценку, веру в себя, но мне показалось, что это прозвучит чересчур напыщенно.

Карнс пристроил свою костлявую фигуру на ближайшем стуле. Раньше Мэтту это не приходило в голову, но в острых чертах лица Мика явно проглядывало что-то крысиное.

– Мэтт, мы очень за тебя волнуемся.

– А зря. У меня всё под контролем. Хочешь выпить?

– Нет.

– Тогда не возражаешь, если я?...

Пальцы Джексона уже сомкнулись на горлышке бутылки. В голове клубился туман, жалость к самому себе захлестывала с головой, но все ничего. Все будет о'кей.

– И это не поможет тебе поймать убийцу.

При этих словах Джексон невольно улыбнулся.

– Ты что, забыл, что меня отстранили?

– Только на бумаге.

Сунув руку за пазуху, Мик достал из внутреннего кармана куртки компьютерную флэшку и положил ее на кофейный столик между ними.

Джексон уставился на нее, словно на гранату, готовую в любой момент взорваться. Потом опять поднял взгляд.

Острые черты лица Мика еще больше заострились.

– Ты хоть представляешь, чем я рискую? Я могу потерять работу, карьеру...

– По крайней мере, ты не потеряешь свою жену, – безрадостно пошутил Джексон.

– И то верно, – согласился Мик, немного смягчаясь. – Я тебе не говорил, что она трахается с каким-то страховым агентом?

Джексон медленно накрутил на бутылку крышечку, наклонился поближе к своему другу и до недавних пор коллеге, показал глазами на флэшку.

– И что там на ней?

– Все, что тебе нужно знать обо убийстве Полли. Результаты вскрытия, описание места преступления, все записи по делу, протоколы допроса свидетелей, распоряжения старшего сволочь-инспектора Маркуса... Короче говоря, всё в полном комплекте.

– Господи, Мик, да на хрена мне все это?

Мысль о том, чтобы вновь окунуться в пустоту – а чем иным это еще может оказаться? – пугала его гораздо сильнее перспективы получить пулю в лоб.

– Чтобы проверить, не упустили ли мы что-нибудь.

Джексон с трудом сглотнул, придвинул к себе бутылку. Руки тряслись.

– Вряд ли. Маркус Броун – педант до мозга костей. Все делает по правилам. У него каждый чих к делу подшит.

– Не совсем. Он ведь согласился с твоим предложением не обнародовать подробности смерти Полли, помнишь?

И верно. Официальной версией было убийство в результате неудавшегося ограбления. Его идея. Таким образом прессу лишили возможности раздуть очередную сенсацию, а заодно и тщеславие Неона. Джексон надеялся, что убийцу это здорово разозлило.

– Мэтт, мы реально топчемся на месте, – произнес Мик совсем тихо. Так, чтобы перед его мольбой труднее было устоять.

– Послушай, Мик, я очень ценю твой поступок, но, по правде говоря, я оказался к этому делу слишком уж близко. Мне недостает «необходимой объективности». – Джексон словно выплюнул два этих заключительных слова.

– А как ты будешь себя чувствовать, если вдруг узнаешь, что еще какую-нибудь бедняжку выставили в центре города в качестве новогоднего украшения?

– Не лучшим образом.

Да *никак* он не будет себя чувствовать, потому что его при этом уже не будет!

– Ты же знаешь, что он не остановится. Он только начал.

Джексон стрельнул в Мика угрюмым взглядом. Вот тут-то он ошибается. Убийство Полли – о господи, опять во все углубляться! – указывает на того, кто достиг настоящих вершин в своем темном искусстве. Неон уже добился того, чего хотел. По крайней мере, оставалось надеяться, что добился.

– Но попробовать-то стоит? Хотя бы для очистки совести. Ты знаешь дело Неона лучше кого-либо другого. То, что тебя после Полли отстранили, так это не более чем формальность. – Мик бросил взгляд на столик, на котором по-прежнему, словно молчаливый укор, притаилась флэшка. – Я понимаю, это нелегко, братан.

*Нелегко?! Да это просто нереально! Да у него такое чувство, будто он разваливается на части! Нет, он *уже* развалился на части, теперь не соберешь!*

Мик встал.

– Оставляю ее тебе. Если помотришь – отлично. Если нет, я тебя ни в чем не виню. Помни только об одном.

– И о чем же?

– У Маркуса Броуна примерно столько же шансов закрыть это долбаное дело, как у меня – переночевать в Белом доме.

– Ты хочешь, чтобы я сделал это ради нашего коллектива? – фыркнул Мэтт.

– Я хочу, чтобы ты сделал это ради Полли.

«Вот гад», – обреченно подумал Джексон.

4

Игнор столь же губителен, как чувство вины. Он грызет душу, не дает насладиться даже самыми простейшими вещами. Когда произойдет следующее убийство, в том будет только их вина – что не оценили по достоинству изысканнейшее из его творений, не выказали ему уважения, которого он заслуживал!

Вот уже несколько недель он безуспешно ждал отклика. Едва проснувшись, ожидал увидеть аршинные заголовки в газетах, услышать сбивающийся от волнения голос диктора по радио. Ждал не просто коротких новостных сообщений, но и обсуждений своего творчества – может, даже дебатов в парламенте. И что получил? Шиш с маслом! Суки и сволочи, вот кто они все такие! Примерно такие мысли крутились в голове Гэри Фейрвезера, когда он входил в свою святая святых, свой Собор Света.

Каждая из простых беленых стен здесь наглядно иллюстрировала его неуклонное продвижение от талантливого любителя к истинному мастеру своего дела (самые первые, еще поученически беспомощные работы остались в Вегасе, равно как и украшенные ими тела). Прототипы для целого ряда куда более экзотических творений купались перед ним в калейдоскопе ослепительного цвета, перемежающиеся хлесткими подписями вроде «Смерть ей к лицу» или «Смотри в оба!», мерцающими всеми оттенками криптонового зеленого и желтого.

При виде всего этого буйства света и красок Гэри даже не верилось, насколько далеко он продвинулся с тех далеких времен, когда ему буквально неделями приходилось осваивать даже самые элементарные приемы своего ремесла. Да, на его пути были не только розы, пришлось и пострадать – порезы, ожоги, волдыри на коже... Но при всем этом каждое из его творений начиналось с одного и того же – скромного карандашного наброска, и заканчивалось в точности тем же самым, что и всегда, – мертвой женщиной и ее именем, выведенными ярко мерцающими неоновыми трубками. Ну что может быть эффектней такого финального аккорда?

Сама собой вдруг припомнилась глупенькая бедняжка Вики. То есть, наверное, на самом деле ума ей было не занимать, учитывая направление ее деятельности, но все-таки насколько она оказалась наивной, насколько, блин, бесхитростной!

Полная сладостных ожиданий, поначалу Вики очень удивилась и растерялась, а потом пришла в полнейший восторг. Он более чем сойдет в качестве альтернативы, говорили ее глаза. «Еще бы», – подумал Гэри, припоминая ее густо покрашенную мордашку, обрамленную соломенными локонами, и здоровенные кольца, более уместные в ушах ярмарочной гадалки. Потом стаканчик-другой-третий – «Для храбрости», – прошебетала она. Рискованность ситуации ее явно заводила, только вот риск заключался вовсе не в том, о чем она думала. Судя по тому, как она беспомощно заметалась, когда слишком поздно осознала, в какой действительно опасности находится, выпила Вики явно недостаточно.

Примерно такая же история вышла со спортивной крепышкой Ванессой, накачанной тренажерами во всех нужных местах. Ну разве никто ей не говорил, что коктейли с водкой – не самый лучший способ заканчивать вечер? А еще спец по лекарствам, должна бы вроде знать, какие вещества по рогам бьют... (Тогда про ее фармацевтическую специализацию он не знал, прочитал позже в газетах.) Сама Ванесса явно предпочитала в качестве лекарства этанол в высокой концентрации – а что, на фига всякие транквилизаторы, когда от алкоголя ничуть не хуже башку сносит?

Настроена она была весьма игриво, припомнил Гэри, хоть и пришлось, как истинному джентльмену, помочь даме выбраться из канавы, в которую ее только что стошнило. Повезло еще, что можно было хвататься прямо за голое мокрое тело, поскольку, как и Вик, в одежде Ванесса исповедовала стиль «плевать я хотела на гипотермию». Она была дико благодарна и даже пыталась его соблазнить – вплоть до того самого момента, как он перешел к решительным

действиям и наступила мрачная действительность. Прикрыв глаза, Гэри представил себе ее симпатичное округлое личико, копну светлых волос и эти влажные доверчивые глаза.

Так называемые эксперты уверяют, что на пороге насильственной смерти организм реагирует по принципу «бей или беги». Черта с два! «Бойся» и еще раз «бойся» – вот как он реагирует, по личному опыту Гэри. Еще раз представив себе тот упоительный момент, когда огонь Ванессы угас и душа ее отлетела прочь, он опять испытал небывалый кайф.

Ну-с, пора набросать следующую композицию. Создание очередного шедевра с нуля – всегда очень волнующий момент, приятное замирание сердца. Вытащив из обширного набора карандаш с маркировкой «6 В» и пожевав кончик (ужасная привычка, он в курсе), Гэри широким взмахом руки нанес первую линию, закруглил. Идея уже полностью оформилась в голове, и она была просто великолепна.

Через несколько штрихов он сделал паузу, грызя кончик карандаша. Да, скоро вся эта паутина линий будет трепетать, пульсировать и ослеплять своим блеском. На сей раз они его не проигнорируют.

5

Ни крови. Ни веревок с наручниками. Ни обмена телесными жидкостями.

Прежде чем шагнуть прямо в ад, Джексон включил свой лэптоп, открыл выписки из дела, которые он потихоньку сохранил, и обратился к самому началу расследования. Взбодрившись двумя колбами крепкого кофе и полностью вырубив отопление, почувствовал себя получше. Вроде уже не такой пьяный, вроде мозги встали на место. Это его территория, и он с ней хорошо знаком. И терять ему уже нечего.

Методичное изучение материала подтвердило то, что он уже знал: у Неона не было каких-либо особых физических предпочтений, когда дело доходило до выбора жертвы. Цвет волос, рост, вес, наличие родинок или шрамов – ничто из этого не имело значения. Единственная общая нить: все были успешными, платежеспособными, независимыми женщинами чуть за тридцать. И да – все они были белыми.

Повторное изучение мест трех первых преступлений подтвердило, что Неон не паниковал, гордился своим «искусством» и озаботился тем, чтобы унести с собой орудия своего ремесла, включая удавку, которой душил своих жертв. Парень явно знал, как работают криминалисты. И публичные места выбирал по той причине, что его ДНК должно было надежно перемешаться с ДНК сотен остальных людей.

Только вот с Полли все вышло несколько по-другому.

Джексон осторожно глянул на флэшку, оставленную Миком. «Загляну в нее через минутку, – подумал он. – Пусть только мозги на место встанут».

Неон оказался редкостным ловкачом.

Бирмингем просто-таки усеян камерами наблюдения, но все же покрывают они далеко не каждую улицу и переулок. Если кто-нибудь по пьяни потеряется, вне зависимости от пола, то действительно может потеряться всерьез и надолго. Широкомасштабная перестройка городских кварталов и порожденный ею хаос тоже только на руку убийце, не страдающему недостатком решимости и воображения. Отсмотрев целую бездну записей, полиция проследила путь Вики Уэйнрайт только до центра, после чего та бесследно исчезла. В случае с Ванессой, судя по всему, Неон использовал ту же тактику, чтобы заманить ее в западню: что проще – подхватить пьяную женщину, делая вид, будто хочешь оттащить ее от проезжей части и проводить в какое-нибудь безопасное место? Двое свидетелей сообщили, что видели мужчину среднего роста и телосложения с надвинутым на лоб капюшоном, который вез обмякшую в инвалидной коляске женщину в интересующую следствие ночь в сторону площади Столетия. Так и осталось неясным, был ли это Неон и была ли эта женщина его второй жертвой. Вроде близко, совсем близко, но все же ничего конкретного.

А в случае с Джиной Дженкс просто нельзя было представить себе чего-то более публичного и наглого, чем мрачное световое шоу вокруг знаменитого быка, неофициально известного как «Бык-брумми»¹¹, а официально – как «Страж». На сей раз Неон бессовестно воспользовался преступлением, совершенным другим человеком.

Джексон еще раз пробежался по записям. За десять дней до обнаружения Джины некий Дэмиен Ли, изрядно нагрузившись «Бакарди» и пивом, намеренно повредил скульптуру, совершив акт вандализма. У него хватило ума сообразить, что бык находится под видеонаблюдением, поэтому предварительно он решил вывести камеру из строя – при помощи лазерной указки, нацелив луч прямо в объектив. Но, как и у большинства подобных гопников, уровень ай-кью у него был невысокий, и ему не пришло в голову, что его уродливая физиономия засветится на камере прямо перед тем, как он успеет ее повредить. После двух предыдущих инци-

¹¹ Брумми – так называют себя жители Бирмингема.

дентов подобного рода пятитонного быка увозили для ремонта, но в данном случае работы проводились прямо на месте. Скульптуру огородили со всех сторон большими щитами, обеспечив Неону великолепное прикрытие, позволяющее без спешки расставить необходимый для постановки реквизит и запитать его от переносного бензогенератора. Женщину, которая появилась с утра, чтобы исправить нанесенные вандалом повреждения, пришлось отправить в больницу Королевы Елизаветы – для оказания медицинской помощи в связи с полученным шоком. Сразу возник главный вопрос: каким образом убийца сумел доставить тело к намеченному месту?

Следуя распоряжениям Джексона, его группа выяснила, что улицы на этой очень многолюдной торговой территории убираются аж по семь раз в день, и частенько работа начинается в самые ранние утренние часы. Поначалу все подумали, не является ли Неон кем-то из работников службы коммунального хозяйства, имея доступ к спецтранспорту, при помощи которого можно было бы перевезти тело, но опросы тамошнего персонала оказались лишь зря потраченным временем. Еще одна рабочая версия: Неон просто переоделся – скорее всего, просто добыл светоотражающий жилет, что при таких масштабах строительства в городе сделать несложно, – угнал компактную подметальную машину из муниципального парка и с ее помощью незаметно доставил Дженкс внутрь ограждения.

Джексон выпил еще чашку кофе, уже такого же холодного и простывшего, как воздух за окном.

Сам Неон пока что представлялся ему так: одиночка, асоциальный элемент, не исключено, что с проблемами в половой сфере. Одно лишь то, что он не осуществлял проникновение в своих жертв, вовсе не означало, что в его действиях отсутствовала сексуальная составляющая. Тот факт, что он сумел незаметно появляться в выбранных им местах и столь же незаметно покидать их, наводил на мысли о ком-то столь же бесцветном, как химический элемент, который он использовал, чтобы обставлять свои преступления. Увидишь – и сразу забудешь.

Только вот Джексон никогда его не забудет. Прикрыв глаза, он потер веки, из всех сил стараясь, чтобы калейдоскоп причудливых образов не принял реальные очертания.

Сделав глубокий вдох и пытаясь умерить колотящийся пульс, он еще раз вернулся к фактам. Ни на одной из жертв Неона не обнаружили оборонительных ран, и это позволяло предположить, что убийца на вид представляется уязвимым, слабым и безобидным. Женщины так и не почувствовали приближения смерти, пока не стало слишком поздно. Эту версию Джексон принял за основу, он в нее верил и всячески продвигал.

Но что, если он ошибался?

Серийные убийцы далеко не всегда четко придерживаются одной и той же схемы, как знал Мэтт из заслуживающих доверия источников. Обстоятельства могут меняться, как это произошло в случае с Джинной Дженкс, журналисткой, проводившей свои изыскания далеко за пределами городского центра, но которую Неон, тем не менее, все-таки нашел. Проведя чуть ли не весь день в музее Черной Страны, она посетила паб в Горнале, потом еще один в Типтоне – знаменитый многими вещами, включая разливное вино из крана и расчет только наличными, – и завершила свой обход подобного рода заведений в Олдбери. Джексон мог представить, что могла получить там хорошо одетая женщина из Лондона, пытающаяся выкачать информацию, – в лучшем случае косые взгляды и «Пить-то будете?» от местных завсегдатаев и барменов. Если вообще сумела разобрать, что ей говорят, для начала. Сам он родился в Пенне неподалеку от Вулверхэмптона, и даже у него бывали затруднения, когда приходилось опрашивать публику в тамошних краях. Настроена та изначально подозрительно, а полицию и вовсе встречает в штывки, даже если речь идет о серийном убийце. Если кто-то что-то и знает, то ничего не скажет.

А вот специалисты, работающие в области световой рекламы, оказались более словоохотливыми. Согласно их мнению, Неон – весьма квалифицированный стеклодув, достигший настоящих вершин своего ремесла. На вопрос, долго ли требуется учиться, чтобы достичь

такого уровня, обычно отвечали, что лет восемь-десять, так что Неон либо занимался этим профессионально, либо был любителем с уникальным талантом. Вроде бы зацепка – ан нет. Ну, по крайней мере, не такая зацепка, которая реально куда-либо привела. Еще большим разочарованием оказался криминалистический анализ самих стеклянных трубок, который абсолютно ничего не выявил.

Другая серьезная линия расследования сосредоточилась на том, каким образом Неон транспортировал с места на место свой довольно громоздкий реквизит. Ясно, что не на автобусе. Скорее всего, у него был фургон. А искать непонятно какой фургон в Бирмингеме – это все равно как искать какую-то определенную кружку в пабе. Но и это было проделано. Записи с дорожных камер прогнали через систему распознавания автомобильных номеров, пытаясь обнаружить совпадения и закономерности. Ничего это не дало. Плюс к настоящему моменту расследование буквально тонуло в данных, сгенерированных из сотен телефонных звонков, включая звонки от психов и фантазеров. Но чем больше такой шелухи они отсеивали, тем больше ее появлялось, вставая перед ними, словно зомби из сериала «Ходячие мертвецы». Нажим большого начальства, нетерпеливые местные члены парламента, пресса и перепуганная публика заставляли Джексона и его группу работать круглые сутки. Любые связи между жертвами, тонкие и не очень, в попытках обнаружить какие-то общие знаменатели, никуда не вывели. Словно абсолютно всё ополчилось против них – и не в последнюю очередь сам город, с его яркими огнями и уличным движением, толпами людей и анонимностью, – поэтому моральный дух в группе заметно упал.

Джексон огляделся по сторонам. Он окончательно застрял и сознавал это. Утро плавно перетекло в день. Пора со всем заканчивать. Прежде чем окончательно потерять веру в себя, он подхватил флэшку и вставил ее в лэптоп, чувствуя себя трезвым как стеклышко. Сейчас это было надо, хотя притупившаяся было беспросветная тоска навалилась на него с новой силой.

6

Айрис чувствовала себя паршивей некуда. После часа с мистером Гадженом и десяти минут в аптеке – «Этих лекарств сейчас нет, не зайдете попозже?» – она вновь села за руль и отправилась напрямик в Кингз-хит. Вернуть машину она уже опаздывала, но после такого утра ей было на это совершенно наплевать.

Не имея привычки накручивать себе лишнего, Айрис оглянулась на прожитую жизнь трезвым взглядом умирающего. Она не боялась парня, который пытался изнасиловать ее в детдомовские времена; того мужика, который подрядил ее распространять наркотики, когда она была ребенком; ту мутную тетку, которая пыталась (и обломалась) определить ее на панель в ту самую секунду, как система соцобеспечения дала ей пинка под зад. Стукачи, воры, насильники и наркобароны (низшей лиги, никаких вам международных игроков) никогда ее особо не пугали. Она не боялась оказаться бездомной, спать под открытым небом, не боялась города или улиц. «Разберемся!» – вот ее главный девиз. И Айрис разбиралась. Она гордилась своей способностью к выживанию, но все же не была столь уверена, что ей по зубам сценарий, нарисованный мистером Г., и чуть ли не впервые в жизни ощутила уколчик того, что можно было бы назвать страхом. Такая вот ирония ситуации.

Айрис переключилась на вторую передачу, фургон замедлил ход. Теперь можно и осмотреться. «Классный райончик», – подумала она. Независимые магазины и кафешки – никаких тебе сетевых заведений – создавали эдакую деревенскую атмосферу.

Согласно карте дом располагался между центром Кингз-хит и Ярдли-Вуд-роуд, неподалеку от парка Биллсли-Коммон. Ей всегда нравились открытые пространства и пустыри. Чужак не настолько бросается в глаза, и всегда можно сделать вид, будто прогуливаешь собаку.

Она припарковала фургон метрах в двухстах от места, вытащила собачий поводок, надвинула пониже бейсболку, замотала шею шарфом, частично закрыв лицо, и неспешной прогулочной походкой двинулась по дороге. Дом располагался в точности так, как было обещано: в глубине. И, что еще лучше, ведущая к нему дорожка, поднимающаяся вверх по склону, заросла по бокам высокими деревьями. Укромненько. Что есть большой плюс. Это пока был единственный момент, который немного поднял ей настроение.

Сигнализация на вид вроде настоящая, не какие-то там «обманки», наклеенные на стекла. Вполне можно и отключить, но это потребует времени и энергии. Хотя, когда объект уже на месте, сигнализация обычно уже выключена. А вот камеры – совсем другой компот. Надо будет сначала оборвать провода, а потом разбить их к чертовой бабушке. Тоже потеря времени, но это не самая большая проблема.

Обычно Айрис предварительно изучала объект, иногда несколько дней. Знакомилась с его обычным распорядком – это всегда был «он» и, как правило, какой-нибудь реальный говнюк – и выясняла, не смогут ли помешать ликвидации родственники или дружки, или же нет ли у объекта большой собаки, способной задать ей перцу. Тоже не проблема, но всегда есть смысл максимально подготовиться – а это непросто, особенно если заранее не взглянуть на объект, что называется, во плоти. Заказ на десять, особо не разбежишься, а вот так-то ошибки и делаются.

Пройдя немного вперед, она резко развернулась на каблуках, будто забыла что-то, и сделала второй проход. На сей раз низко нагнулась, чтобы завязать воображаемый шнурок, так что смогла хорошенько осмотреться и выработать лучший способ попасть в дом. В стиле тридцатых годов, три спальни наверху и, наверное, три комнаты внизу, с эркером – типичное семейное гнездышко. Хм-м... У Айрис возникло нехорошее чувство. А потом она вспомнила про мистера Гаджена. На все про все, включая размещение и перелет, нужно около пятисот тысяч фунтов, и быстро.

Она думала о своем, когда он объяснял, как важно прочесть мелкий шрифт перед тем, как подписывать любой план лечения. А когда мистер Гаджен погнался всякую юридическую заумь и стал распространяться насчет медицинской этики, Айрис чуть не расхохоталась вслух. Ей было совершенно насрать на мораль. Ей было абсолютно чихать на теорию, лежащую за лечением, или на то, что «принимаются только определенные молекулярные профили» – что бы это, блин, ни значило. Ей всего лишь хотелось знать, будет ли результат. «Ну пожалуйста!» Он покопался в бумагах на столе и что-то пробормотал – ей показалось, что прозвучало что-то вроде «подопытный кролик». Но слабая надежда – это всяко лучше, чем отсутствие надежды вообще, особенно если это надежда изгнать болезнь навсегда, а навсегда – это очень долгий срок.

Все упирается в бабло.

Наверное, придется поднять расценки.

Укромный там или не укромный, но главный вход исключается, даже в десять вечера. Боковая дверь – тоже рискованно, хруст гравия может ее выдать. В результате остается только одно.

Айрис выпрямилась, продолжила идти дальше и повернула налево, прямо на асфальтовую подъездную дорожку, пролегающую параллельно основному зданию. «Вот это больше похоже на правду», – подумала она, невольно улыбнувшись.

Перед ней стоял гараж с поворотными воротами, на вид совершенно неприступными. Дверь рядом с ними тоже выглядела достаточно крепкой. Но сколько раз люди сосредоточивали свои усилия на дверях и воротах, а не на петлях, которые их держат? Тут они совершенно сопливые. Стоит ей попасть в гараж, и она подберется к дому сзади, скорее всего, через сад. Войдет внутрь. *Бах-бах.*

7

Мик был чертовски прав. Когда Джексон открыл флэшку, обнаружили буквально сотни файлов. Чтобы потихоньку скопировать материалы такого уровня, Мик должен был получить доступ к запароленному ноутбуку Маркуса Броуна или же каким-то образом его взломать. Либо он компьютерный гений, либо полный придурок, не осознающий возможных последствий.

В другой ситуации Джексон сразу открыл бы фотографии, сделанные на месте преступления. Но пока он не был к этому готов, поэтому для начала просмотрел оперативные заметки, где ошибочный подход Броуна к расследованию лез чуть ли не из каждого пункта.

А ошибку Броун допустил совершенно классическую, заиклившись на двух совершенно железных фактах: отсутствии признаков взлома и отсутствии оборонительных ран на теле Полли. Другими словами, она доверяла убийце – которым, как окончательно решил для себя Броун, мог быть только ее собственный супруг. А вот что Броун совершенно упустил из виду, так это что Полли доверяла абсолютно всем без исключения. Такая уж она была женщина. Добрая и непритязательная, всегда искала в других только хорошее, и эти ее качества однажды уже спасли Джексона. То, что из-за них ее убили, а сам он оказался во главе списка подозреваемых... Неожиданно для себя самого Мэтт вдруг разозлился. Если б только она была хоть немного благоразумней! Если б только прислушивалась к его словам! Смутно припомнив, как говорил примерно то же самое Броуну во время первого допроса, когда ему зачитали его права, Джексон тут же припомнил и полученный ответ: «Выходит, у вас были с ней какие-то напряги, Мэтт?» Естественно, были! Он пытался раскрыть тройное убийство, и на него давили со всех сторон, так что нервы были уже на пределе.

«Вы с ней когда-нибудь практиковали аутоэротическую асфиксию или еще какие-нибудь нетрадиционные виды секса?» Джексон тогда сразу понял, к чему клонил Броун. Природа смерти Полли вполне укладывалась в рамки этой недопеченной версии. Собрав на лице всю возможную непреклонность, он твердо сказал Броуну правду: «Нет».

В конце концов, временной график, железобетонное алиби и заключение патологоанатома все-таки спасли его. Когда убивали Полли, Мэтт как раз объяснял отсутствие прогресса по делу своим куда более высокооплачиваемым коллегам, включая недавно назначенного молодого и талантливого помощника комиссара полиции по уголовным делам. Не будь так, Маркус Броун однозначно прижал бы его к ногтю, это без вопросов. «Упаковать» своего – это вам не мелкого карманника прищучить. Почет и слава. А всем известно, что случается с копами за решеткой.

Джексон почесал в голове. Чушь все это собачья. Древняя история. «Сосредоточься!»

Оставшись без главного подозреваемого, Броун теперь склонялся к тому, что убийца уже фигурирует где-то в полицейских базах данных. Он характеризовал его как одиночку – не из местных жителей, но того, «кто хорошо знаком с местностью и приезжает для совершения преступлений из другого района, не желая привлекать внимание к себе или к тому месту, которое считает своим домом». Читая это, Джексон по-волчьи оскалился. Вот же гаденыш, даже здесь на публику работает! Смотрите, мол, какой я проницательный! Просто автор детективов, а не опер.

Он продолжил чтение: «Существует значительная вероятность того, что у Неона имеется сообщник – человек, задачей которого является привлечение внимания намеченной жертвы, а также помощь в транспортировке тел». А вот это уже что-то новенькое, и не факт, что написано просто для красного словца. На одной из стадий расследования Джексон тоже прикидывал, нет ли у Неона своего человечка в департаменте, ответственном за уборку улиц. Как еще можно взять на время подметальную машину? Опросы коммунальщиков никакого результата не дали, но, может, стоило сделать еще одну попытку...

«Неон проводит значительную часть своего времени в букмекерских конторах и барах, а также регулярно пользуется услугами проституток». Джексон обдумал это предположение. Ничего в истории жертв не наводило на связь с проституцией, хотя все эти женщины вели активную половую жизнь. Еще одна черная дыра, в которой можно утонуть с головой. Впрочем, этот высосанный из пальца психологический портрет одно время вполне мог иметь право на жизнь, но смерть Полли коренным образом все изменила.

Джексон мрачно щелкал мышкой, открывая протоколы допроса свидетелей и просеивая словесную шелуху с той же тщательностью, с какой бухгалтер-криминалист просеивает цифры, отыскивая железные доказательства того, что финансовый директор обманул компанию и обул ее на многие миллионы. Сколько же тут всякой бесполезной чепухи... Сколько же случайного мусора... Но вот...

Мужчина, прогуливавший собаку, сообщил, что кто-то ошивался возле дома – «словно специально следил за ним», хотя, по его словам, «в тот момент я не придавал этому значения». Джексон нахмурился. Часто ли добропорядочные граждане делятся с полицией наблюдениями, на которые можно железно положиться?

Он продолжил чтение. Свидетель упоминал про автомобиль. «Вроде как черный или серый. Не уверен, что седан. Но, может, и седан». На вопрос относительно номерного знака свидетель ответить не сумел. Когда его попросили описать неизвестного, сообщил: «Мужчина среднего роста, нормального телосложения. Не смог как следует рассмотреть, потому как было темно». О боже!

Скрепя сердце Джексону пришлось признать, что положение, в котором оказался Броун, хуже некуда. Подомовой обход никаких результатов не принес. Проверка лиц, ранее совершавших преступления сексуального характера, – тоже. Поиск по полицейским базам данных – аналогично. Без четкой, конкретной информации в противовес горам совершенно бесполезных сведений опереться было совершенно не на что, а без такой опоры ни в одном расследовании не жди решающего скачка вперед. Броун сейчас словно несся вниз с горы в санях по ледяному желобу, постепенно теряя управление. Шуму и грохоту много, но в любой момент воцарится тишина, поскольку сани уже готовы вылететь за пределы трассы на скорости девяносто миль в час. Туда ему и дорога.

Щелк-щелк, смотрим дальше: отчет о вскрытии.

Джексон глубоко вдохнул через нос и перешел напрямик к протоколам с места преступления.

Как и остальные жертвы, Полли была задушена. Согласно доктору Уэстону, смерть наступила в результате «сдавливания шеи». Как и во всех остальных случаях, удавку убийца снял и унес с собой, «особенности повреждений в области шеи и большая выраженность странгуляционной борозды на правой стороне тела» позволяли предположить, что убийца – правша. Отметины и кровоподтеки указывали на то, что «удавка, скорее всего кожаная, была затянута при помощи пружины через нее рычага» – примерно так при помощи подходящей палки затягивают жгут при артериальном кровотечении. «Это оттягивает момент смерти, – мрачно подумал Джексон, – и Полли страдала».

Он так сжал кулаки, что ногти глубоко врезались в ладони. Невеликое утешение, что над ней не надругались, а ножевые ранения на лице были нанесены уже посмертно. Джексон отметил, что лезвие ножа, которым убийца яростно изуродовал лицо его жены, имело одну режущую кромку – не исключено, что это был обычный кухонный или садовый нож. «Наверняка при помощи этого же ножа Неон и заставил ее подчиниться, – подумал Джексон. – Поступал ли он так и с остальными женщинами? Угроза ножом позволяла убийце приблизиться на максимальное расстояние, вторгнуться в личное пространство. Было ли в содеянном что-то действительно личное? Страшно представить, как кто-то сунулся к ней так близко, буквально на расстояние поцелуя, и спокойно наблюдал, как она борется со смертью и терпит поражение!»

Джексон затаил дыхание, осознав, что дышит мелко и прерывисто. Закрыв отчет патологоанатома, переключился на фото с места преступления. И вдруг ощутил тот же подспудный страх, который испытал, когда вставлял ключ в замок. Когда позвал Полли и не услышал ответа. Инстинкт тогда взял управление на себя, подсказал, что случилось что-то плохое. Он припомнил, что из стереосистемы в гостиной лилась музыка. Полли, вкусы которой отличались большим разнообразием, часто ставила излюбленные композиции, когда приходила домой. Звучала кавер-версия известной песни, хотя исполнителя он тогда не узнал, а в тот момент, как Джексон взлетел вверх по лестнице в спальню, все вдруг разом остановилось вокруг него, включая и само время, и он словно застрял в каком-то туннеле, наполненном ужасом и визжащим цветом.

Безмолвно, в шоке Мэтт поднял взгляд на дискотечный шар с разноцветными светодиодами, свисающий с потолка. Вращаемый моторчиком, шар пощелкивал, плевался острыми лучиками света и словно насмехался над ним. На дальней стене, прямо над их широченной кроватью – огромный попугай, светящийся кислотным красным и желтым, рядом – нестерпимо яркая неоновая пальма. Вдоль соседних стен были расставлены неоновые попугаи поменьше – вульгарно-красные, ярко-желтые, переливающиеся пурпуром и синевой. Дискотечный шар создавал стробоскопический эффект, и глаза физически заболели от сенсорной перегрузки. Джексон припомнил, что сразу же крепко зажмурил их. А когда открыл опять, его взгляд упал на их кровать, где лежала распятая на ней Полли – длинные светлые волосы каскадом спадали с подушки. Лицо, купающееся в бело-голубом свечении, повернуто набок, карие глаза полуприкрыты и пусты, между зубов торчит кончик языка. Он сразу понял, что она мертва. Но все равно проверил. Ощутил холодность кожи, заметил отметины на шее, порезы на щеках. Джексон четко запомнил, что шли они крест-накрест.

Какая-то едва функционирующая часть мозга отметила, что убийца был очень скрупулезен в своих приготовлениях. Тщателен. Проведя бездну времени в доме, он наслаждался каждой секундой. И он хотел, чтобы Джексон знал это, посылал ему подсознательный сигнал: «Это твой дом, и я могу делать в нем все, что хочу. Я – твой господин».

Неоновые трубки не производят тепла. Они холодны при прикосновении. Джексон чувствовал себя словно в сауне. Пот лился с него ручьями.

Полли была полностью одета, на ней было одно из тех платьев, которые она обычно надевала на работу – в группу приготовишек начальной школы, в которой преподавала. Платье задрано до груди. На ней были белые трусики, запятнанные кровью с ножа, которым убийца яростно разрисовал ей лицо. Вот только Джексон на тот момент этого не знал. Провокационно и намеренно введенный в заблуждение относительно сексуальной составляющей убийства, он и повелся на провокацию. Фиолетовая вывеска у изголовья гласила: «Полли – красивая птичка»¹².

Пока Мэтт глазел с разинутым ртом, какой-то первобытный рёв боли, которого он никогда до этого не слышал, разорвал воздух напополам. Его собственный рёв.

¹² Полли – одна из самых распространенных в англоязычных странах кличек домашних попугаев, как у нас Кеша или Гоша, фраза «Pretty Polly» (что-то вроде «Полли – красивая птичка») – первая, с которой попугаев учат говорить.

8

Айрис подумала, что физиономия Кевина Джойса с ее серой нездоровой кожей и многочисленными морщинами похожа на какую-то психопатическую мозаику из булыжников.

Уволенный по сокращению штатов с местной сталелитейной фабрики – «больно уж до хрена таперича китайской и турецкой стали», по его собственным словам, – Кев открыл в Кредли-хит татуировочный салон. Если идти по главной улице в сторону центра, то вскоре проезжая часть резко пойдет на спуск, а потом опять на подъем – аккурат в самой нижней точке этого провала, вызванного оседанием почвы, и располагается коммерческое предприятие Кева. При этом многие жилые дома и магазины, построенные больше ста лет назад, по-прежнему благополучно стоят на своих местах.

Боди-арт был далеко не единственным направлением его деловых устремлений – в тяжелые для малого бизнеса времена Кев по всем правилам экономической науки провел диверсификацию, переключившись на куда более прибыльную сферу деятельности: торговлю оружием. Это была единственная причина, по которой Айрис оказалась у его лабаза на ночь глядя.

– И скока сейчас, по-твоему, времени?

Вытащив из куртки связку ключей, он застыл перед стальной дверью на задах своих владений – такие могучие двери ставят в квартирах, где торгуют крэком.

– Десять минут девятого, – невозмутимо ответствовала Айрис.

– Ни хера не смешно!

Всякие там «простите-извините» в словарный запас Айрис не входили. Попробуй она произнести нечто подобное, интонация все равно вышла бы такая, с какой посылают на три буквы.

– Прямо с самолета пришлось сюда нестись, – сварливо проворчал Кевин.

– Да, Осел говорил, – отозвалась она.

Подручный Кева также успел сообщить, что его босс в настоящий момент мутит какие-то темные делишки в Коста-дель-чего-то-там. Мол, ходят слухи, что он недавно связался с парочкой своих бывших клиентов, ныне находящихся в бегах. Айрис подумала, что все это полная херня. Те дни давно прошли, а Осел, чтобы придать себе весу, просто решил скормить ей информацию с просроченной датой годности. Она ничуть не сомневалась, что Кев действительно что-то затевает, поскольку это было его обычное состояние, но ее занимали куда более важные и неотложные вопросы, чем некое уголовное предприятие, которое якобы планирует Кевин Джойс. Ранее днем она и так потеряла кучу времени на совершенно бесполезную поездку по этому же адресу, поскольку Кев болтался неизвестно где, и на посещение аптеки, где ей тоже дали от ворот поворот. Меньше всего Айрис требовалось, чтобы Кев вымещал на ней свое дурное настроение. Все, что ей было нужно, – это пистолет. Чистый. И как можно быстрее.

– Хорошо отдохнул?

– Сангрия уже из ушей льется, коли спрашиваешь.

Она уже пожалела, что спросила.

– Ну вот, – объявил Кев, гремя ключами, словно тамбурином. – Милости прошу к нашему шалашу.

Было б у Айрис время, она бы вволю тут пошарила. Осел явно не сидел без дела. Вдоль трех стен аккуратно выстроились стойки с винтовками и автоматами, в застекленных витринах, словно драгоценности в ювелирной лавке, красовался внушительный выбор пистолетов и револьверов. Глаз Айрис сразу упал на «Ругер эл-си-девять-эс» – маленькую, легкую, идеальную для скрытого ношения машинку, превосходно уместящуюся в пристегнутую к лифчику компактную кобуру. Рядом – стопки коробок с патронами, рассортированных в соответствии с калибром, и два высоких серых ящика, похожие на манерные американские холодильники.

«Винчестер» – услужливо подсказывала надпись на боку одного из них, чтобы сразу было понятно, какой марки помповые ружья упрятаны внутри. Просто чудо, а не магазин.

– Ну, как тебе? – Слезающиеся глазки Кева так и светились гордостью.

Айрис едва заметно кивнула – максимум, на что тот мог рассчитывать в качестве комплимента.

– Мне нужен «Глок», – объявила она, шаря взглядом по ближайшей застекленной витрине.

– Модель?

– Двадцать вторая¹³, с глушителем.

– Опять в кредит? – фыркнул Кев.

– Заплачу в конце месяца, как всегда.

– Уже солидный счетик накопился.

Что-то в выражении ее лица явно его напрягло. Вот и хорошо.

– Конечно, Айрис, – заикаясь, поспешил ответить он, – ты ведь у меня один из лучших клиентов. Разочтемся, как получится.

Под ее пристальным взглядом он вытащил маленький ключик, вставил его в скважину запертой витрины. «Нервничает. Где-то в глубине души Кев прекрасно сознавал, что он всего лишь мелкая рыбешка, а не великий гангстер, какого из себя строил», – не без удовольствия отметила Айрис. Буквально через две секунды она уже вертела в руках пистолет.

– Боеприпасы – в подарок.

С чем-то похожим на улыбку – при таком обилии морщин и татуировок на физиономии и не поймешь – Кев сунул ей коробку девятимиллиметровых патронов.

– Пасиб, – бросила она, рассовывая приобретения по карманам. – Ну, не буду задерживать.

Потянулась за шлемом.

Он, наверное, ответил что-то вроде «нет проблем», «удачи» или «береги себя», но эти слова заглушил грохот захлопывающейся двери.

Айрис уже заказала такси – вернее, частника, такого рода таксисты не обременяют себя получением муниципальной лицензии. Если не считать предварительной разведки, укладки в сумку отвертки, набора отмычек, лыжной маски с дырками для глаз и пачки наличных, больше она никак к выполнению предстоящей задачи не подготовилась. У нее были собственные подходы к работе, свои маленькие суеверия, но сейчас Айрис чувствовала себя так, будто все они вылетели из окна ее многоэтажки и разбились вдребезги об асфальт внизу.

И, что хуже всего, поджимало время – и не только для выполнения заказа.

¹³ Имеется в виду не калибр, а именно модель («Глок 22»). Правда, судя по полученным в подарок 9-миллиметровым патронам, Айрис приобрела конвертированный вариант со сменным стволом, поскольку эта модель изначально рассчитана на боеприпасы калибра 0.40.

9

Знание врага – ключ к успеху, считал Гэри, так что потратил более чем достаточно времени, чтобы изучить старшего детектива-инспектора Джексона от и до. Гэри знал, что родителей его нет в живых – хнык-хнык; знал, в каком районе тот вырос – чистенько, но уныло; какую школу закончил – среднюю со смешанным обучением; знал даже, блин, какие оценки тот получил на выпускных экзаменах! Две С и одну D¹⁴ – что, по правде говоря, еще раз доказывало, что мистер Д. по жизни – типичный балбес и троечник. Этим, пожалуй, и объяснялось, почему этот мудила до сих пор не обнаружил простейший ключ, оставленный ему практически на самом виду, что стало для Гэри постоянным источником разочарования и расстройств. Окажись он хотя бы чуть-чуть посмекалистей!.. Но что поделать – коп есть коп. Такая уж профессия. Тупые они все как пробка. После того, что ему сходило с рук по обе стороны Атлантики, Гэри окончательно утвердился в этом мнении. Но, сам будучи по натуре своей круглым отличником (перфекционизм, соревновательный дух, требовательность и ожидание столь же высоких стандартов от других), он все же не собирался делать никаких послаблений для тех, чьи способности оставляют желать лучшего. С какой это стати? Тем более что платят-то им не в пример больше, чем ему самому.

Вопрос, который он задал в адресованном детективу Джексону не особо завуалированном послании, звучал предельно просто и четко: «Ну что, поиграем?» Конечно, имелся и альтернативный сценарий: может, Джексон *уже* нашел упомянутый ключ, но предпочел никак не реагировать, что с его стороны просто некрасиво. Где, черт побери, обычное любопытство, где авантюрный дух, свойственный чуть не каждому человеку? Как еще этот детектив теперь заполняет свое время, когда его дражайшая супруга уже воспитывает малолеток где-то на небесах? Отстраненный от дела по «семейным обстоятельствам» (у Гэри имелись свои источники), чем этот тип вообще занимается целый день? Бухает напропалую? Обжирается рыбой с картошкой или пирогами (это очень по-мидлендски), *снит*? Если кого Гэри действительно терпеть не мог, так это слабохарактерных, погрязших в жалости к самим себе нытиков.

Он огорченно вздохнул. Черт, если б Джексон малость прочистил мозги, то они на пару дали бы такого джазу, что небесам тошно стало! Сыграли бы в старую добрую игру «Сыщики и воры» – только не понарошку, а всерьез. Сам он, естественно, в роли крутого обаятельного негодяя (тёлок ведь заводят плохие парни, разве не так?), а Джексон расстарался бы и делал то, за что ему платят. Гэри ведь все уже спланировал: убийства, офигительные световые шоу, погоню – весь, блин, сценарий, хоть кино снимай!

«Ну что, не нравится, детектив?»

От предвкушения того, как могли бы развиваться события, просто голова шла кругом. «Но для начала, – мрачно подумал Гэри, – этот ленивый мудила должен заглотить наживку». Задуманный спектакль застрял на уровне первого акта. До того момента, как он торжественно пустит детектива в расход, нужно как следует встряхнуть его жалкую унылую жизнь. Так как же все-таки затащить Джексона, визжащего и отбивающегося руками и ногами, обратно в игру?

¹⁴ В средних школах Великобритании экзамены GCSE (на «общий сертификат о среднем образовании») сдаются по окончании одиннадцатого класса по нескольким предметам, выбранным для изучения самими учениками в конце девятого года обучения. Высшим баллом является «А» с отличием, далее идут А, В, С, D, E, F и G; балл U говорит о том, что ученик не прошел квалификацию.

10

Джексон встал, прошел в кухню, открыл кран, умылся, налил полный стакан воды и залпом осушил.

Вернувшись к ноутбуку, щелкнул мышкой, открывая видеоролик, снятый внутри дома. Он искал не только какие-то улики. Он искал ошибки – какой-то промах, который выдаст Неона.

Серийные убийцы часто забирают что-нибудь у жертв на память. Волосы, кожа, кольца, бусы – вот самые популярные сувениры. За Неоном такого вроде не водилось, но он вполне мог присвоить и какого-то иного рода трофеи, чтобы вновь оживить те жуткие моменты и попускать слюни над последним вздохом умирающей в его руках Полли.

Джексон содрогнулся, перебарывая тошноту, и выглянул в окно. День превращался в вечер, быстро подступающая ночь расцвела огнями. Чуть больше чем через час все будет кончено. Это последнее предсмертное деяние поможет ему доказать себе, что он сделал все, что мог, и ни на что большее уже не способен.

Запись начиналась в прихожей, после чего камера прошла по всему второму этажу. В подробностях, заглядывая во все уголки и закоулки, показала гостиную, кухню, кладовку и гардероб. Джексон двигался вслед за оператором-криминалистом. Выселенный из собственного дома после убийства, он довольно давно в нем не был. Глядя на вроде бы хорошо знакомое и родное место сквозь бесстрастный объектив, Мэтт испытал какое-то странное чувство. Попытался стряхнуть его и сосредоточиться. Интуитивно он чувствовал, что Неон выбрал Полли не случайно, что у него к ней явно было что-то личное и это «что-то» стало не только побудительным мотивом для убийства, но и источником извращенного наслаждения.

Как и сам Джексон, Полли была по натуре своей человеком опрятным, а в дизайне интерьера предпочитала чуть ли не полный минимализм. Картинок на стенах было совсем немного. Одну большую фотографию, на которой они были изображены вместе, он снял сразу же, как только ему разрешили – просто не мог больше на нее смотреть. Ни один из них не был скопидомом, ко всяким украшениям и безделушкам оба относились совершенно равнодушно. В этом смысле Полли мало напоминала большинство женщин. Конечно, у нее были какие-то любимые мелочи, но те же драгоценности ее ничуть не трогали. Во всяком случае, в ходе одного из допросов Броун уже убедился, что никакие ценности из дома не украдены. Равно как ее одежда и белье – насколько Джексон мог судить, все лежало в точности там, где она оставила. Единственной слабостью Полли были книги: в твердых и мягких обложках, новые, старые... В отпуск она всегда брала с собой «Киндл»¹⁵. Ее вкусы, как и в случае с музыкой, были самыми разнообразными, хотя детективы и триллеры она недолюбливала. Говорила, что ей этого и дома хватает. Сердце Джексона сжалось – да чего же печальная ирония! В отличие от нее, сам он предпочитал в свободное время только такого рода чтиво, обычно научную фантастику – возможность укрыться в ином мире, иной реальности. Ее коллекция кулинарных книг стояла в кухне на полке рядом с плитой. Всмотриваясь в экран, Джексон внимательно ее изучил. Найджела, Гордон и Джейми¹⁶ по-прежнему улыбались во всю ширь с глянцевых обложек. В книжных шкафах в холле и гостиной, насколько он видел, не было пустых промежутков. А вообще, заметил бы он, если б одна из книг пропала? Да и на черта Неону какая-то литература в любом случае? «Ты уже не знаешь, за что еще хватиться», – уныло сказал он сам себе.

¹⁵ Kindle – серия устройств для чтения электронных книг, выпускаемая компанией Amazon.com.

¹⁶ Найджела Лоусон (р. 1960) – британская журналистка, телеведущая, редактор, ресторанный критик и автор книг на тему кулинарии; Гордон Джеймс Рамзи (р. 1966) – знаменитый британский шеф-повар; Джеймс Тревор «Джейми» Оливер, известен также как «Голый повар» (р. 1975) – английский повар, ресторатор, телеведущий, популяризатор домашней кулинарии и здорового питания.

Камера передвинулась на второй этаж. Упорно игнорируя кровать, с которой теперь были сняты простыни и матрасы, Джексон нацелился взглядом на собрание книг, которые Полли читала перед сном. Вроде все как было. Детские книги, купленные для детей, которых у них теперь никогда не будет, предназначались для гостевой комнаты, где, как они надеялись, когда-нибудь разместится их сын или дочь. Надеялись и на то, что получится переехать в дом попросторней. Надеялись состариться вместе. Надеялись поймать убийцу. Много у них было надежд, и теперь все они пошли прахом...

Последовав за оператором-криминалистом в гостевую комнату, Джексон вдруг неожиданно кое-что вспомнил. Гордостью и отрадой Полли была настоящая библиографическая редкость – первое издание одной из детских книг Роалда Даля¹⁷, напечатанное в США. Джексон в свое время специально искал его, чтобы подарить ей на Рождество. Не могло ли оно привлечь интерес Неона?

Джексон присмотрелся к полкам. Сердце разочарованно пропустило удар – рано обрадовался. Вон она, на почетном месте, стоит себе целая и невредимая.

Расстроено отрывая взгляд от экрана, он вдруг мельком уловил незнакомый корешок. Сразу же отмотал запись назад, поставил на паузу и наклонил голову, чтобы было удобней прочесть заглавие: «Из Лас-Вегаса с любовью». Фамилия автора звучала так, словно ее составили сразу из нескольких языков.

– Лас-Вегас, – повторил вслух Мэтт. Царство игровых автоматов, казино, ломбардов и отелей, рай для девочек по вызову и мошенников, игроманов и воров, пьяниц и убийц. Холодный трепет, известный только детективам по расследованию убийств, пробежал по телу: Лас-Вегас – это еще и цитадель Неона! Этот вид рекламы практически родился здесь.

Человек, убивший его жену, ничего не взял. Он кое-что оставил.

«Намеренно», – подумал Джексон, протягивая руку за кожаной курткой.

Быстро бросив взгляд на часы, минутная стрелка на которых неумолимо подползала к четверти десятого, он пулей вылетел из здания и бросился к подземной парковке. Через несколько минут его «Мини Купер» уже мчался прочь из центра в сторону окраины города. В это время, учитывая пробки и идиотские ограничения скорости, ехать ему как минимум минут тридцать пять. В результате до крайнего срока оставалось меньше десяти минут. До его собственного *крайнего* срока.

¹⁷ Роалд Даль (1916–1990) – британский писатель норвежского происхождения, автор романов, сказок и новелл, поэт и сценарист. Обладатель многочисленных наград и премий по литературе.

11

Сглотнув перехвативший горло комок, Джексон бросил последний взгляд на разворачивающуюся перед ним ночную жизнь. Огни десятков ночных клубов и баров разливались по тротуарам, предъявляя свои права на улицы. Интересно, нет ли сейчас где-нибудь среди них Неона, рыскающего в толпе, подкрадывающегося к добыче, планирующего свое очередное представление?

Центр города представлял собой бутылочное горлышко. Все светофоры ополчились против него. Под тиканье невидимых часов он наконец вдавил педаль в пол, едва оказавшись на свободном пространстве, и, выплевывая из-под шин грязь и гравий, прибыл на место в девять пятьдесят три.

Шторы были задернуты. Когда Джексон открывал дверь, перед глазами, как в тот раз, вновь возникла сине-белая полицейская лента, хотя последние обрывки ее давно унес ветер. Его словно отбросило назад в тот вечер, со всей его болью, мукой и обреченным чувством потери. Во рту пересохло, в налившимся тяжестью затылке навязчиво застучало. Мысленно приказав себе встряхнуться, он направился прямо наверх, перескакивая через ступеньки. Главная спальня была теперь пуста – о некогда произошедшем здесь напоминали лишь следы порошка для снятия отпечатков пальцев да дыры в стенах, с которых сняли развешанные Неоном инсталляции.

Взбежав по лестнице на второй этаж, Джексон выдернул из кармана куртки пару перчаток, которые носил с собой, как талисман, и натянул их. У него не было сомнений, что убийца действовал с такой же тщательностью.

Визитная карточка Неона, «Из Лас-Вегаса с любовью», приманивала его из своего безопасного укрытия на книжном шкафу. Стиснув зубы, Джексон протянул руку, вытащил книгу, раскрыл. Прямо на форзаце – короткая дарственная надпись, выведенная печатными буквами тонким фломастером: «Старшему детективу-инспектору Мэтту Джексону. Приятного просмотра. Н.».

Сильно забился пульс. На верхней губе выступили бисеринки пота. Мэтт вгляделся попристальней и увидел, что под надписью скрываются едва заметные полустертые карандашные отметины, словно Неон предварительно потренировался, чтобы потом написать свое послание набело. Нет ли тут других скрытых посланий и ключей? Пока непонятно. Бесспорно одно: Неон вступил с ним в прямой контакт, а это означало долгожданный прорыв – нечто осязаемое, с чем можно работать, четкий след, по которому можно идти. Это у него теперь было. А вот чего у него практически не осталось, так это времени.

Джексон бросил взгляд на часы. Три минуты. Что такое три минуты? Нет, нужно немедленно прервать исполнение заказа!

Судорожно нажав телефон, вызвал таинственного «Джона». Один гудок, и тут же бесстрастный механический голос: «Вызываемый абонент недоступен». Все, больше никак не связаться!

Слетев вниз по лестнице обратно на первый этаж, Джексон метнулся в кухню, выдернул из деревянного блока нож с тонким лезвием. И что теперь? Откуда появится киллер? Позвонит ли в дверной звонок и прихлопнет его в ту же секунду, как он откроет? Или проскользнет с черного хода и выстрелит в спину? Парень уже наверняка прямо здесь, внутри.

«Думай!»

Джексон подстраховался – выключил верхний свет, включил лампу и нырнул за диван, скрючившись в три погребели. Лучшее, что он мог сделать. Не считая ножа, единственным его союзником был фактор неожиданности. Все чувства многократно усилились. Он чуть ли не физически ощутил, как давит на него воздух комнаты, сжимается вокруг него. На языке

появился соленый вкус, ноздри наглухо забил запах его собственного страха. Зрение обострилось и сфокусировалось, как никогда, – и, как это ни странно, стало монохромным. Он мог поклясться, что слышит какую-то музыку, навязчивую и отдаленную – слуховой обман, породивший мелодию из каких-то еле слышных посторонних шумов? Или воспоминание о уже слышанном?

Еще один взгляд на часы подсказал ему, что осталась ровно одна минута. Джексон надеялся, что киллер окажется человеком пунктуальным.

* * *

– Держи, – сказала Айрис, всовывая пару сотенных таксисту, пожилому азиату и хорошему семьянину, если фотография на приборной панели соответствовала действительности.

Тот изумленно выкатил глаза.

– Но, мэм, это слишком много! Почти в десять раз больше!

– Только не от того, кого ты в жизни не видел.

Ему понадобилась пара секунд, чтобы осмыслить намек. Когда до него наконец дошло, таксист отпрянул, его лицо провалилось в темноту кабины.

– Мне не нужны неприятности, – проговорил он, запинаясь. – Я человек добропорядочный!

Она не стала ни соглашаться, ни опровергать это заявление.

– Так что, пожалуйста, мэм: просто заплатите по нормальному тарифу, и мы в расчете.

Айрис скрипнула зубами. И так времени в обрез, так еще и водитель совестливый попался! Она уже выбивалась из графика, и это ее напрягало. Айрис наклонилась вперед.

– Это твоя семья? – Ее глаза метнулись к фото.

Он проследил за направлением ее взгляда, явно обеспокоенный.

– Моя.

– Гляжу, у тебя много детей...

Он откашлялся.

– Мэм, я...

– Тогда эти деньги будут очень кстати!

Она пропихнула купюры в окошко перегородки, так что они разлетелись по пассажирскому сиденью. Таксист так разинул на них рот, словно это были не мятые бумажки, а тридцать серебряников – которыми, по разумению Айрис, они и являлись.

Отведя взгляд, он механическим голосом проговорил:

– Мэм, я вас не видел.

Когда она открыла дверь, таксист с облегчением выдохнул сквозь плотно сжатые зубы.

– И вот еще что, – произнесла она угрожающе, резко обернувшись. – Привидения приходят пугать тех, кто плохо о них отзывается.

* * *

«Да где же он, черт побери?» Джексон опять глянул на часы. Неужели этот говнюк взял деньги и просто его кинул?

Расстроенный, обеспокоенный и злой, он встал, подкрался к входной двери и заглянул в глазок. Подъездная дорожка скрывалась в темноте, единственным освещением был неверный свет уличного фонаря.

Едва выпрямившись, Джексон уловил боковым зрением какое-то движение. Повинуясь инстинкту, метнулся вбок. Пуля, ударившая в стену на расстоянии вытянутой руки, чуть не чиркнула ему по носу. Когда ствол опять повернулся к нему, Джексон полоснул ножом прямо

по руке стрелка. Пуля ушла куда-то далеко в сторону, оглушительный грохот выстрела эхом заметался по дому.

Джексон скакнул вперед, ухватившись за порезанное запястье противника обеими руками. Если как следует поднажать, этот человек выронит пистолет или, по крайней мере, ослабит хватку. Сейчас не до того, чтобы думать о последствиях – о том, как все будет выглядеть, если эта штука выстрелит и ему придется объяснять, откуда в его доме взялся еще один труп! Сейчас нужно просто выжить. *Обязательно*, поскольку послание Неона, пусть и на какой-то короткий момент, заставило его вновь ощутить самого себя. Теперь он понимал, что связывает его с этим безысходным и мрачным миром, – пусть и не он сам его создал. И с этим знанием надо прожить достаточно долго, чтобы завершить начатое, прежде чем покинуть его навсегда.

Джексон по-прежнему не мог видеть лица нападавшего, которое было скрыто вязаной маской с дырками для глаз. Чувствовал лишь, что противник тяжело дышит, отметил, что тот на несколько дюймов поменьше ростом и на несколько фунтов полегче его. Это вроде должно было дать Джексону физическое и психологическое преимущество, но киллер, явно не новичок в единоборствах, знал свое дело. Пистолет прилип к его кожаной перчатке, словно на клею. С каждой попыткой вывернуться из захвата он методично молотил Джексона свободной рукой, и каждый удар был сильнее предыдущего. Ни увернуться, ни как-то смягчить сыпавшиеся на него тычки Джексону никак не удавалось. Его словно размеренно били железным ломом. Грудь и подбородок наливались болью. Черт, надо было раньше завязывать с курением!

Джексон в отчаянии усилил захват, чувствуя, как теплая кровь струится у него между пальцев. Если он надеялся, что стрелок выпустит пистолет, то явно просчитался. Спотыкаясь, они откатились назад, опрокинув стул. Мэтт зажмурился от боли, когда носок ботинка врезался ему в голень, после чего тут же получил мощный удар кулаком в живот, отчего его едва не вырвало. Хватая воздух ртом от шока и боли, он почти переломился пополам. Возникло странное чувство, что он всего лишь зритель, что просто наблюдает за происходящим с ним со стороны.

Они отшатнулись к лестнице, где он болезненно врезался плечом в перила. Прогремел еще один выстрел, на сей раз угодивший в потолок. Тот словно взорвался, осыпав их обломками штукатурки. Джексон сморгнул песок и пыль, глазные яблоки загло огнем. Ему показалось, что он слабеет, а его противник, поддерживаемый опытом и беспощадностью, начинает брать верх. Мэтт чувствовал, как легко и грациозно тот двигается, пританцовывая на цыпочках, какая сила кроется в его тонких жилистых руках. Джексону казалось, что сам он движется не проворней перегруженного мусоровоза, пытающегося развернуться в тесном переулке.

Но если он будет рассуждать в негативном ключе, то скоро ему конец.

Переключив скорость, Джексон всем своим весом резко пихнул своего противника вперед – тот даже хрюкнул от неожиданности, когда они влетели через открытую дверь в кухню. Пистолет с клацаньем заскользил по плиточному полу. Едва нападавший подогнул колени, чтобы подобрать его, как Мэтт пинком отшвырнул оружие прочь. Это решило дело. «Теперь только он и я, кулаки и ноги», – подумал он.

Словно пришпоренный, Джексон еще раз со всей силы коварно толкнул своего противника обеими руками – прямо в грудь, которая показалась ему неожиданно мягкой. На сей раз человек, который явился, чтобы убить его, не устоял – отшатнулся назад и упал, ударившись затылком о твердую гранитную столешницу. Случайно это вышло или намеренно, Джексону было абсолютно насрать – главное, что тот переломился пополам и соскользнул на пол. В полном отрубе.

Мэтт тоже согнулся колесом, уперев взмокшие ладони в бедра и пытаясь унять дрожь в руках и ногах. Во рту пересохло. Голова кружилась, горло судорожно сокращалось, пока остатки адреналина еще бушевали в крови.

Из руки нападавшего, по которой полоснул нож, на пол струилась кровь. Ее было много. Такой порез определенно надо зашивать, простой повязкой не отделаешься. И непонятно еще, насколько серьезна черепно-мозговая травма.

«Давай-ка на тебя глянем», – подумал Джексон, срывая вязаную маску. И широко раскрыл глаза, увидев перед собой лицо молодой женщины.

12

С оказанием первой помощи Джексон заморачиваться не стал – больно много чести. Порывшись в карманах девицы, вытащил отвертку, набор отмычек и небольшой молоток. В бумажнике – сорок семь фунтов и шестьдесят пять пенсов наличными, но никаких кредитных и дебетовых карт. Мобильника тоже нет. Похоже, его гостья сделала все, чтобы скрыть свои личные данные. Что более удивительно, в кармане джинсов обнаружилась блистерная упаковка таблеток – которые он сразу же узнал, поскольку одному из его коллег прописывали такие же при прохождении химиотерапии. Но блистер был без коробочки, на которой обычно пишут фамилию пациента, так что и тут говорить не о чем.

Джексон перевел взгляд с таблеток на лицо перед собой. Глаза закрыты, бледные ресницы и брови. Кожа цвета недожаренной картошки, волосы как грязная солома, тонкие губы. Морщинки в уголках глаз и на лбу наводили на мысль, что она явно старше, чем он сначала подумал. Либо так, либо она вела слишком беспокойную жизнь – что, учитывая ее способ зарабатывать на жизнь, почти наверняка и было объяснением. Остальные черты ее лица оказались настолько обыкновенными и ничем не примечательными, что увидишь такую в толпе – и во второй раз уже не заметишь. Абсолютно незапоминающаяся внешность, просто превосходная для такого направления работы.

И что же, черт побери, делать дальше? А с ней как поступить? Он нисколько не сомневался, что стоит ей очухаться, как она опять сделает попытку его прикончить.

Джексон поднял с пола пистолет и сунул в карман, собрал стреляные гильзы, сложил в кучку. Нож с окровавленным лезвием отнес в кладовку. Пожалуй, на нем достаточно ДНК, чтобы привязать ее к целому множеству нераскрытых убийств. Потом сходил за рулоном скотча, поставил на ножки перевернутый стул, взгромоздил на него обмякшее тело женщины и примотал к нему. Кожа ее куртки не слишком-то хорошо справлялась с остановкой кровотечения, так что Мэтт наскоро перевязал ей руку парой кухонных полотенец. Пока она пускала слюну из угла рта, завалив голову набок, налил себе чистого виски и уселся на стул напротив – достаточно далеко, чтобы она не сумела достать его ногой и чтобы можно было заранее уклониться, вздумай она качнуться на ножках стула и попробовать достать его головой, как это делают в кино.

Джексону казалось, будто сам он покрыт синяками буквально с головы до ног. Везде болело и ныло. Пожалуй, несколько дней будет трудно двигаться. Но плевать. Главное, жив. Хотя это все равно ненадолго.

Он опять обратился вниманием к своей пленнице. Прямо перед ним сидела беспощадная и решительная киллерша. И ему исключительно повезло, что на сей раз у нее ничего не вышло. Отпустить ее – значит позволить ей убивать снова. Нехорошо. Но выдать ее полиции – значит подставить самого себя. Это даже не обсуждается. Не надо быть гением, чтобы представить, какая гора полицейской и юридической волокиты на него свалится, если он так поступит.

Джексон приложился к стакану. Неразбавленный виски обжег как огнем, но саднило в горле не только из-за алкоголя. Послание, оставленное специально для него, все изменило. Несмотря на всю его профессиональную подготовку, на его личный моральный кодекс, на все то, что было для него свято, месть значила для него сейчас больше, чем смерть. И под отмычкой он понимал не правосудие в общепринятом смысле: судебное дело, приговор и пожизненный срок без права досрочного освобождения. Поскольку это означало бы, что убийца Полли по-прежнему сможет есть и пить, спать и дышать, якшаться со сходно мыслящими мерзавцами, вспоминать о том, как...

Джексон крепко потер лицо. Так что действительно большой, реально выносящий мозг вопрос заключался в следующем: если он сможет найти того, кто убил его жену, хватит ли

у него духу убить его? Сможет ли он спустить курок? Прямо здесь и сейчас, в этот весьма напряженный момент, со стаканом виски в руке, Джексон *думал*, что сможет. И все же где-то в глубине души понимал, что гнев и ярость не способствуют холодному суждению, не говоря уже о хладнокровном убийстве. А если до этого все-таки дойдет, сумеет ли он пойти до конца или же подведут нервишки?

Зафиксировав взгляд на женщине, сидящей перед ним, Мэтт не сомневался, что она сможет дать ему то, в чем он нуждался, ни секунды не колеблясь. Если речь пойдет о деньгах, она будет выполнять его приказы.

Но готов ли он заказать убийство?

Джексон опять приложился к стакану. Он терпеть не мог подонков, которые отдают приказы наемным убийцам, не пачкая собственных рук. Чаще всего это всякие наркобароны и прочие криминальные боссы, готовые преступить через чьи-то страдания и смерть, преследуя собственные интересы. И вот где он сам оказался – гадает, не вступить ли в их ряды!

Если отбросить в сторону мораль, имелись и чисто практические соображения. Не слишком ли велик риск, не слишком ли высоки ставки? Если все пойдет наперекосяк, он сам может оказаться в тюрьме, и вообще: как он сможет работать с киллершей, у которой, по самой ее натуре, обман и предательство закреплены уже в самой спирали ДНК? К тому же, судя по таблеткам, которые девица таскает с собой, она еще и больна – причем больна серьезно.

Он прикидывал все и так и эдак и не пришел ни к какому заключению, пока ее ресницы наконец не задрожали и она не открыла глаза, которые оказались скучно-голубыми и сразу заметались по сторонам. Это было все равно что смотреть на какое-то дикое животное, усыпленное ветеринаром перед хирургической операцией и приходящее в сознание. Казалось, что в любой момент она готова опять наброситься на него.

Вытерев уголок рта о плечо, она вздернула голову. Джексон сразу понял, что его пленница в полном сознании, поскольку она уставилась на него так, словно поймала в перекрестье оптического прицела. Смотрела, будто была готова прожечь его насквозь, но он не отвел взгляда.

А потом зрачки ее метнулись к полу. Она искала пистолет. Ничего не обнаружив, обвела глазами комнату.

– Как тебя зовут? – спросил Джексон.

– Да пошел ты!

Знакомый, пусть даже и не сильно содержательный ответ. Он продолжил, будто ничего и не слышал.

– Может, попробуем еще раз?

Но и этот вопрос пленница пропустила мимо ушей.

– Кто меня сдал? – требовательно спросила она.

– Я сам. Это я тебя нанял.

По ее лицу расплылось недоверчивое выражение, в котором ясно читалось: «Ты вообще нормальный?»

– Как ты, наверное, уже догадалась, я передумал.

– Я не возвращаю деньги за невыполненные услуги.

Джексон примирительно поднял руки.

– Я этого и не жду.

– Тогда почему я тут сижу?

«Потому что я ни хера не знаю, что с тобой делать», – подумал он.

– Либо ты не знаешь, – продолжала она, – либо еще не решил.

– Оба предположения абсолютно справедливы.

– На тебе сейчас микрофон или как?

Ни единого признака страха, отметил Джексон. Вместо этого – что-то не поддающееся определению, типа как «делай ты все, что хочешь, но давай поскорей со всем этим развяжемся,

что бы это ни было». Вызывалось ли это таблетками, которые он у нее нашел, – а может, убежденностью, что ей все равно немного осталось?

– Пока ты тут думаешь, может, ослабишь чуток? – Она поерзала в путах, пытаясь вырваться.

– Хорошая попытка, – сказал Мэтт, не обращая внимания на ее кислое выражение лица.

Он попробовал встать на ее место и посмотреть на вещи с ее точки зрения. Получалось, что он нарушил их договор и представлял собой серьезную угрозу ее свободе. Если он ее отпустит, то она, скорее всего, откажется избавить его от страданий, а деньги все равно оставит себе. Есть ли шанс, что вместо этого получится ее использовать? Женщина с таким редкостным набором навыков наверняка сможет помочь ему поймать убийцу вроде Неона. Тогда почему бы не обратить существующую ситуацию в свою пользу? Сказать по правде, что ему терять?

– У меня есть к тебе предложение.

Она подняла голову, втягивая воздух ноздрями, словно львица, вынюхивающая добычу.

– Мне нужна твоя помощь, чтобы найти серийного убийцу, – сказал Мэтт.

На ее лице появилась улыбка. Зубки белые и мелкие, заметил он. Может, она их еще и затачивает?

– Трепка повредила тебе мозг, – произнесла она.

Джексон отхлебнул из стакана, посмотрел на нее открытым взглядом.

– Слышала про Неона?

– Да вся страна про него слышала! – Она не выглядела заинтригованной, вид у нее был совершенно индифферентный.

– Я хочу его выследить.

– Ты что – коп или как? – фыркнула она.

– Старший детектив-инспектор Мэттью Джексон.

Вот это ее проняло – судя по тому, как ее губы сжались в тонкую нитку.

– Я не помогаю легавым. Это против моих правил.

– Я думал, что у людей вроде тебя вообще нет никаких правил.

Она бросила на него угрюмый взгляд.

– И если мы все-таки возьмем его, – продолжал Мэтт, – я хочу, чтобы ты его убила.

– А разве это не против твоих правил? – Выражение ее лица опять стало холодным.

Да, это было так, но «его правила» его больше не заботили. Что же касается тюрьмы – то, чего Джексон действительно боялся, – то пока она не выполнит свою работу, никто его не посадит, даже если откроется, что он заплатил за убийство. В конце концов, сам Джексон к тому моменту будет уже мертв.

– А после, – продолжал он, – я хочу, чтобы ты закончила с тем, о чем мы изначально договаривались.

– У тебя явно что-то не в порядке с головой!

– Ты постоянно это говоришь.

– А еще я говорю, что ответ отрицательный.

– А ты действительно в том положении, чтобы спорить?

На это она только усмехнулась.

– И что ты тогда сделаешь? Сдашь своим дружкам, чтобы они меня арестовали? И по какому же обвинению, старший детектив-инспектор Джексон?

Он не мог не отдать ей должное – она сообразила, что обладает большей властью, чем ей позволяли сейчас текущая ситуация и физическое состояние. Джексон поднес стакан к губам, отпил еще глоток.

– Пытаешься меня подставить? – Она пристально изучала его.

Он ответил ей открытым взглядом:

– Нет.

Она медленно заморгала, на секунду задумалась.

– Это ведь не просто профессиональное, так?

Джексон выждал секунду.

– Он убил мою жену.

– И теперь ты хочешь отомстить? – Она была хладнокровна и расчетлива, никакого эмоционального отклика вообще.

Ну да, хочет, но не собирается ей об этом рассказывать.

– Я хочу восстановить справедливость.

– Не, ты хочешь отомстить! Этого все хотят. Мне, вообще-то, без разницы. Но я не помогаю копам. И не убиваю их, кстати говоря. Слишком много шума потом. А оно мне надо?

– Могу заверить, что такого не будет.

Она покачала головой.

– И все же слишком заметно. И кстати: если я и вправду ликвидирую кое-каких людей, это вовсе не делает меня специалистом по психам.

– Верно, но у тебя несколько другие представления.

– О чем? – Она усмехнулась. – Как именно убивать?

– О том, как выследить кого-нибудь, заманить в ловушку, обвести вокруг пальца.

– У тебя это звучит больно уж гламурно. Это не так.

Он сделал паузу.

– Так как ты предлагаешь мне поступить?

– Отпустить меня и молить бога, чтобы Неон попал под ближайший автобус.

Джексон не считал, что у нее добрая душа, но если у нее сохранились хотя бы остатки совести, то он твердо вознамерился к ним воззвать.

– Так ты не хочешь помочь?

– Я, блин, не занимаюсь благотворительностью!

– Подумай только про всех тех женщин, которых он так зверски убил! – проговорил Джексон. – Подумай об отсутствии достоинства в их смерти. А что, если бы на их месте оказалась твоя мама, или сестра, или подруга?

Учитывая то, что она не проявила и следа сочувствия, когда он упомянул про свою жену, все это были разговоры в пользу бедных, но Мэтт все же не терял надежды.

– Да что с тобой такое? – твякнула она. – Ты глухой или как? Сколько еще раз повторять? *Твое предложение меня не заинтересовало.*

Чтобы подчеркнуть свои слова, она даже наклонила стул и топнула ногой по полу.

«Одна последняя попытка, – подумал он, – последняя попытка достучаться до нее».

– А что, если, когда все это кончится – после того, как ты убьешь его, а потом и меня, – я оставлю тебе все, что у меня есть: дом, машину, деньги?

При упоминании о финансовой стороне дела зрачки ее расширились. Джексон вытащил упаковку таблеток, поднял ее повыше и наблюдал, как бледнеет ее и без того бледное лицо.

– И ты больна – опасно больна, судя по медикаментам, на которых сидишь. При серьезном денежном вливании тебе будет по карману лучшее лечение, которое только можно купить за деньги.

Она открыла рот, но никаких слов не последовало. «Есть!» – подумал он. Деньги, а вернее, их недостаток – вот ее слабое место.

– Подумай об этом. – Джексон встал и медленно двинулся к ней.

– Ты меня отпускаешь? – удивленно спросила она.

– Пользуйся, пока я добрый. Могу вызвать тебе такси, если хочешь.

– Не хочу.

– Как знаешь, но тебе нужно зашить руку, и у тебя наверняка сотрясение. До больницы шестнадцать минут езды.

– Я не люблю больницы.

«Она – просто скопище «нет» и «не люблю», – заключил он. – Интересно, что поддерживает ее лодку на плаву? Ничего, если полагаться на ее ответы, за исключением разве что убийства других людей».

Джексон размотал скотч.

– И все-таки тебе лучше показаться врачу.

Она встала, с опаской на лице – словно он был готов в любую секунду вытащить наручники и защелкнуть их у нее на руках.

– Так ты меня отпускаешь? Никакого подвоха?

Он пожал плечами.

– Ты знаешь, где меня найти, если передумаешь.

Ему хотелось думать, что он породил взаимное уважение.

– Только не затягивай, – добавил Джексон, открывая входную дверь и выпуская ее в ночь.

13

«Не, мужик реально чокнутый», – думала Айрис, садясь в автобус возле церкви Всех Святых. Ей, конечно, доводилось иметь дело со всякими психами, но это был явно перебор.

– Спаркхилл, – бросила она водителю, который при виде ее руки неодобрительно нахмурился. Айрис ожгла его своим «специальным» взглядом, хорошо отработанным за тридцать три года пребывания в негостеприимном и враждебном окружении. Он сразу же отвел глаза, принял деньги за проезд. Она прошла в автобус и уселась рядом с каким-то дряхлым старикашкой, от которого отчетливо несло мочой.

Откинувшись на сиденье, ненадолго прикрыла глаза. Эндорфин на нуле. Пульсирующе гудело в голове, адски болела рука, ныли сиськи – коп основательно по ним ее приложил. Может, как раз поэтому и не удавалось мыслить связно. А может, потому, что вся эта история с деньгами слишком хороша, чтобы быть правдой. Да, пожалуй, дело в этом: все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

И все же...

Ей уже приходилось видеть подобную решимость в глазах мужчин, и обычно это не приводило ни к чему хорошему. Айрис ничуть не поверила всей этой фигне насчет торжества правосудия. Ему хотелось отомстить, и к гадалке не ходи. А месть – это как раз по ее части.

Как и все остальные в городе, она читала про Неона, больного на всю голову ублюдка, который украшал своих жертв огнями, словно рождественские елки. Хотя и не знала, что он убил еще и жену того копа. Полиция явно должна быть против того, чтобы впутывать в это дело кого-то вроде нее, подумала Айрис. Так что все понятно: работа исключительно неучтенная. Неофициальная. А из этого вытекало, что, если что-то пойдет наперекосяк, от нее всегда откредитуются. В чем Айрис никак нельзя было упрекнуть, так это в излишней доверчивости – доверяла она по жизни лишь одному или двум людям. И точка. Можно ли довериться старшему детективу-инспектору Джексону?

Айрис шмыгнула носом, бросила взгляд в окно и увидела, что уже ее остановка. Как только она вышла из автобуса, то буквально кожей почувствовала перемену атмосферы. Сам воздух был здесь более колючим и густым. Да, не зря этот райончик называется Балти-Трайангл¹⁸. Самый что ни на есть иммигрантский централ. С недавних пор тут обосновались еще и сомалийцы, нашли себе тихую гавань. Насчет пиратов непонятно, хотя толкачей и сутенеров – хоть отбавляй.

Ее конечным пунктом был один из домов квартала сплошной ленточной застройки – с облупленным фасадом, увядшими кустиками у порога и наркотическим кумаром за ним. Еще даже не свернув за угол, Айрис услышала уханье пенджабского рэпа, пробивающегося сквозь кирпичные стены. Можно подумать, будто все обитатели квартала выползли на улицу и выплясывают бхангру¹⁹ прямо посреди проезжей части.

Дойдя до номера восемьдесят три, она сжала пальцы здоровой руки в кулак и забарабанила в дверь. Кто-то, видать, некогда пытался отжечь с нее старую краску паяльной лампой, но бросил свое занятие на полпути.

¹⁸ Это примерно так, как если б у нас район назвали Шашлычным Треугольником или Треугольником Самсы. Балти, или балти-карри, – национальное индийское блюдо, готовится на тонкой сковородке и, соответственно, быстро, в отличие от классического карри. Очень популярное блюдо уличного фастфуда в Британии, где вообще исторически распространена индийская кухня.

¹⁹ Бхангра – народный танец Пенджаба (территории на северо-западе Индии и северо-востоке Пакистана), а также музыкальный жанр, популярный в Южной Азии и в азиатской общине в Великобритании. Так называемая «новая бхангра» сочетает в себе различные произведения западной поп-музыки с оригинальными пенджабскими традициями.

Нет ответа. Еще одна попытка вызвала подобный же отклик. Шторы были задернуты, но грязноватое сдвижное окно – единственная дань антикварному стилю – было на дюйм приоткрыто, выпуская наружу запах травки и табачного дыма.

Присев на корточки, Айрис ухватила за низ рамы, приподняла ее и протиснулась сквозь образовавшуюся щель в комнату, сразу же уткнувшись в плотную стену искусственного тепла от электрического камина.

От пятидесятидюймового экрана нехотя повернулись три головы, включая голову Джаспала.

– Айрис! – расплылся тот в широченной улыбке. Ее не совсем обычный способ проникнуть в дом никто комментировать не стал. Все были слишком обкурены.

Она не без труда пробралась мимо кофейного столика, заставленного пустыми картонками от фастфуда, бутылками газировки и переполненными пепельницами.

Джаспал встал, облапил ее своими мясистыми ручищами и крепко стиснул. Айрис зажмурилась. Ей и в лучшие-то времена не нравилось, когда до нее дотрагивались, а уж теперь-то тем более.

– Блин, полегче, Джаспал!.. Посмотри-ка лучше мою руку.

Он отодвинулся и опустил свои темные глаза на кровь, которая по-прежнему просачивалась сквозь самодельную повязку. Это произвело неожиданно отрезвляющий эффект.

– Опять подралась, – констатировал Джаспал с театральным вздохом. – Пошли.

Он махнул ей на дверь в прихожую, откуда повел ее наверх в хорошо известную в определенных кругах заднюю комнату, в которой выковыривал пули и латал пострадавшие в уличных недоразумениях организмы. Внутри помещение напоминало хирургическую операционную: кушетка, стойка для капельницы, кислородные баллоны и совершенно ужасающая выставка всяких докторских инструментов – Айрис даже думать не хотелось, для чего они могли предназначаться. Джаспал свое дело знал туго. У себя на родине он учился на хирурга, но из-за происков иммиграционной службы получить местный диплом не вышло. Слишком уж много сомнительных родственничков. Впрочем, это ничуть не помешало Джаспалу обосноваться в Бирмингеме и обустроить тут собственный травмпункт «для своих».

– Еще затылком здорово стукнулась, – сообщила ему Айрис.

– Садись. Давай посмотрим.

Она почувствовала, как он раздвигает ей волосы и пробегает пальцами по затылку, словно читая шрифт Брайля.

– Не слишком больно?

– Терпимо.

– Кожа рассечена, но срстется. Шишка тоже довольно большая, но опять-таки до свадьбы заживет. Ты не теряла сознание?

– Нет. – Ей не хотелось, чтобы он развил чересчур уж бурную деятельность.

– О'кей, сейчас промою, а потом посмотрим на твою руку.

Айрис послушно кивнула. Обкуренный Джаспал всяко лучше официального врача, который мог сдать ее полиции.

После того как он залатал ей голову, она позволила ему снять наложенную детективом временную повязку. Потом Джаспал помог ей стащить куртку. Рукав джемпера был в порезах.

– Это тоже надо снять, – произнес он, деликатно нахмурившись.

Айрис повиновалась. Если тело у нее украшено синяками, Джаспал наверняка разумно предпочтет воздержаться от комментариев и расспросов. Однако он обратил внимание на другое.

– Тебе надо лучше питаться.

Айрис ничего не ответила.

– Не высыпaeшь? Вид у тебя усталый.

– Дел много.

С безграничной заботой Джаспал изучил ее руку.

– Что это было – мачете?

Она подняла взгляд, увидела, что он пытается ее развеселить. Но не развеселилась. Болело так, что охренеть.

– Слишком глубокий порез, чтобы заклеивать, – констатировал Джаспал.

И вдобавок длиннющий. От запястья до самого локтя. Черт, рабочая рука!

– Сначала промою, а потом нужно ввести анестетик, чтобы заморозить. Это самая неприятная часть. После уже ни фига не почувствуешь.

Почему-то Айрис не разделяла его оптимизма. Должно быть, это отразилось у нее на лице.

– Я дам тебе кое-что с собой.

У Джаспала «что-нибудь с собой» обычно означало сильные опиаты.

Айрис отказалась.

– Давай уже поскорей, – добавила она, когда Джаспал потянулся к столику на колесиках, на котором, словно тройняшки в коляске, покоились три одинаковых шприца.

Прикрыла глаза и стиснула зубы. Джаспал был прав. Больно, аж жуть. Хотя ладно – по крайней мере, еще одно напоминание, что она еще до сих пор жива.

Когда все было сделано, Джаспал вызвонил одного из своих дружков, чтобы тот отвез ее домой. Впрочем, скорее уж в сторону дома – Айрис никого и на милю не подпускала туда, где на самом деле обитала. Она немного подождала внизу, ожидая, пока мигнут фары – сигнал, что за ней приехали.

Выйдя на все выдавшей и все знающей Хагли-роуд, остаток пути она преодолела пешком. Дыхание вырывалось изо рта колечками пара. Город на самом деле никогда не спал. Поток текли машины. Сияли огни. Сирены различных чрезвычайных служб разрывали ночь.

Только в четвертом часу ночи Айрис наконец оказалась у себя. Слишком взвинченная, чтобы сразу лечь спать, она заварила себе крепкого чая, плеснула в чашку немного виски, добавила сахар и молоко, закинулась двумя сильными болеутоляющими таблетками и достала свой личный мобильник. На нем было три новых сообщения. Во всем мире существовали лишь два человека, которым был известен этот номер. Первому абоненту Айрис сразу ответила эсэмэской – второй мог подождать. Подписалась двумя косыми крестиками: «Чмоки-чмоки!»

«Его дом, его машина и его деньги», – подумала она, проваливаясь в сон на диване.

14

Гэри отнюдь не относил себя к числу «жаворонков», и его день более или менее начинался только после полудня. Профессия учителя музыки – в основном кларнет и сакс плюс еще фортепиано – такое вполне допускала. Раньше он преподавал еще и аккордеон, хоть и относился к этому инструменту с некоторым пренебрежением. Несерьезный, слишком уж ярмарочный. Когда Наоми бывала в отъезде – каковая удача выпадала довольно часто, – случалось, что Гэри валялся в постели чуть ли не до трех часов дня, если первый ученик должен был явиться только после обеда. После долгой ночи, проведенной на сцене с саксофоном (или с удавкой) в руках, он этого заслуживал. Хотя в последнее время ему пришлось отказаться от подобной привычки – был слишком занят в городе, подготавливая свое самое выдающееся выступление в роли серийного убийцы. Пока все шло как по маслу. И везение не имело к этому абсолютно никакого отношения. Он просто предпринял все необходимые шаги, и его немалые усилия окупились сторицей. Главное, все тщательно спланировать заранее. Но все это пойдет коту под хвост, если не получится дать самый первый стартовый толчок. Ну чего еще ждет старший детектив-инспектор Джексон? Письменного приглашения?

Заряженный кофе и той первобытной яростью, какая только и позволяет создать настоящему великое произведение искусства (спросите любого ниспровергателя основ, ставящего перед собой возвышенные цели), Гэри отправился напрямик к месту своего неоновое богослужения.

По его разумению, придание формы стеклянным трубкам требовало такого же базового набора навыков, что и игра на саксе. Все частички твоего тела должны пребывать в полной гармонии, быть идеально синхронизированы. Обнаженный по пояс, с тонкой трубкой во рту, чтобы регулировать температуру, он убеждал стекло стать словами, воплощая бесплотные идеи в осязаемые образы. Острые языки пламени, выстреливающие из двух металлических горелок, почти что лизали пальцы, обдавали жаром руки, играющие с огнем в самом буквальном смысле этого слова. Да, опасно, но защитные перчатки полностью исключались. Прочувствовать материал, обрести с ним не только физическую, но и духовную связь можно только голыми руками. Один крошечный промах – чуть посильней или послабей дунул, приложил чуть большее усилие, чем надо, – и капризное стекло сплющится, раздуется или треснет. Каждый поворот и изгиб тонкой стеклянной трубки стоил времени, пота, а иногда и крови – то, что женщинам, которые играли в его произведениях искусства центральную роль, так и не дано было оценить по достоинству.

Гэри осторожно подул в очередную секцию, чтобы сделать резкий изгиб для буквы S. В воздухе вихрем закружился белый дымок, и он немного повернул голову, чтобы случайно его не вдохнуть.

«О, как им всем хотелось вдохнуть! Сделать еще хотя бы один-единственный вдох!»

Джина – та журналистка – считала себя тонкой штучкой в окружении тупых провинциалов. И выглядела соответственно, со своей короткой элегантной прической, крутыми белыми сапожками, кожаной курточкой и лондонскими понтами. Глубина ее познаний Гэри действительно восхитила, пока он не выяснил, о чем думают эти насквозь испорченные маленькие мозги. Взять интервью у жены детектива – «в чисто человеческом ключе», как она это подала – было не самой лучшей мыслью. Хотелось бы думать, что полицейская процедура никогда такого не допустит, но в наши просвещенные времена, когда чуть ли не каждый норовит вывернуть душу наизнанку и выставить себя, любимого, на всеобщее обозрение, нельзя быть в чем-то уверенным до конца. Лучше перебдеть, чем потом рвать на себе волосы – Джина должна была уйти (это напомнило Гэри, что остается и еще один болтающийся конец, который надо

поскорее оборвать). Ее убежденность в том, что он способен ее на что-то вывести, оказалась ему только на руку.

Гэри отнес стеклянную загогулину обратно к столу с разложенными на нем эскизами, приложил к шаблону, чтобы отметить точку следующего изгиба. Аромат дымка от обуглившейся бумаги и подпаленного дерева наполнил мастерскую. Он любил этот запах.

Еще одна строго отмеренная порция воздуха в трубку, чтобы та не сплющилась в месте изгиба – тише едешь, дальше будешь, – и процесс повторился, снова и снова. Малейшая ошибка, и почти готовую секцию можно выбрасывать на помойку.

Мысли опять вернулись к Джине: он раскрыл свою истинную сущность только тогда, когда добился, чтобы она стала такой, какой он хотел, – перепуганной и податливой, словно раскаленное стекло. Но где-то в глубине души Джина по-прежнему верила, что достаточно хитра, все еще думала, что сумеет его напарить. Прямо в самом начале завершающей стадии игры, когда попыталась обмануть Гэри, захрипев, обмякнув и притворившись мертвой. Но она его недооценила. Его всегда все недооценивали. По каплям выдавливая из нее жизнь, он объяснил, что знает, с точностью до секунды, как надвигается смерть от удушья, что у каждой стадии свой темп, что у смерти есть свой ритм и что он чувствует этот ритм всем своим сердцем.

Откуда-то из глубины груди разлилась волна приятного возбуждения. Если кого и давить себе в кайф, то как раз таких, как Джина. Такого вот типа женщин. Вообще-то говоря, практически того же, что и Наоми, его дражайшая супруга.

15

Джексон проснулся поздно, полностью одетый, на кровати в гостевой комнате. Он жутко промерз. Не сразу сообразил, где он, а когда сообразил, то события вчерашнего вечера волной нахлынули на него. Господи, неужели он и впрямь попросил о помощи наемного убийцу? Неужели опустил до такого? Впрочем, с некоторых пор примерно только такие чувства и накатывали на Джексона при пробуждении – один набор пугающих воспоминаний просто сменился другим. Можно ли упрятать их так глубоко, чтобы они постепенно увяли, сгнили и умерли? Джексон помотал головой.

Он спустился вниз, включил отопление и направился напрямик к комоду, в который засунул пистолет Айрис. «Глок» – очень популярная машинка у полицейского спецподразделения. Интересно, подумал Джексон, как такое оружие попало ей в руки? Нашупав большим пальцем кнопку возле спускового крючка, он освободил магазин, который выпал в свободную руку, выщелкнул патрон из ствола. Бросив магазин обратно в ящик, отнес пистолет наверх и положил в прикроватную тумбочку – потом придумает, куда его получше перепрятать. После этого, подхватив с сушилки полотенце, разделся и принял душ.

Взгляд в зеркало подтвердил, что он не брился как минимум сутки. Полли в таких случаях всегда восхищалась его щетиной, говорила, что это придает ему колючий и опасный вид. Джексон печально улыбнулся.

«Господи, как мне тебя не хватает!» – пробормотал он.

Опять накатило невероятное чувство опустошенности, грозящее окончательно лишить почвы под ногами. Борясь с ним, Мэтт повторял себе, что если существует загробная жизнь, то вскоре они опять увидятся. Не станет ли его конец на самом деле началом? Почему-то он так не думал. Смерть была единственной непреложной вещью, на которую Джексон мог уверенно положиться, и он цеплялся за нее, словно потерпевший кораблекрушение за обломки посреди холодного бурного моря.

Большинство его одежды осталось в городской квартире, но в свое время Мэтт припас здесь запасной гардероб: джинсы, пару рубашек, темно-синий свитер, носки и трусы. Он быстро оделся, натянул пару перчаток и взял со стола книгу про Лас-Вегас, чтобы осмотреть ее более основательно.

Буквы дарственной надписи были одинаковые, аккуратные и расположены как по линейке. Не имел ли Неон какое-то отношение к искусству? Не занимался ли каким-нибудь художественным промыслом? А может, работал в полиграфической индустрии? Сейчас там, правда, все оцифровано и компьютеризировано, но все-таки остались еще люди старой закалки, по-прежнему умеющие красиво писать от руки. Джексон надеялся, что Неон как раз из таких. Многие серийные убийцы записывают подробности своих деяний, чтобы дать себе дополнительный стимул и продлить кайф, испытанный в ходе убийств. На судебном процессе подобный дневник – это практически готовый приговор. На мысли Джексона набегала черная тень. Если все сложится так, как он задумал, дело Неона никогда не дойдет до суда.

Мэтт быстро пролистал книгу до середины. Целый раздел со множеством цветных фотографий был посвящен взлету и падению оркестров, работающих в многочисленных лас-вегасских казино. В самом начале главы сообщалось, что одно время здесь трудились на полной ставке буквально сотни певцов и музыкантов. Когда казино, которыми некогда владела мафия, стали легализовываться и переходить в другие руки, новые хозяева, более вдумчиво считающие деньги, сочли более выгодной альтернативой «консервированную музыку»²⁰, и очень многие музыканты остались без работы. Этой участи не избежали и самые лучшие из них, доходило

²⁰ Расхожее название музыки, проигрываемой в записи, не живую.

даже до забастовок. Но особого проку это не принесло – ряды ресторанных оркестрантов все равно заметно проредились.

Все это было весьма любопытно, но не дало ему никаких ответов. Пока, через несколько страниц, глаза Джексона не упали на заголовок, заставивший его на секунду застыть. Оказывается, помимо прочих музеев и выставочных галерей, в Лас-Вегасе имелся еще и Музей неона, в котором на участке в два с половиной акра были собраны исторические, а также обладающие художественной и культурной ценностью неоновые вывески всевозможных предприятий. Не стало ли это вдохновением для убийственных шалостей Неона? Но зачем выставлять свою признательность напоказ? Книга презентована ему в насмешку или это некий ключ? Как бы там ни было, уже и без того внушительное самомнение Неона выросло до просто-таки великанских пропорций. Джексон подумал, нельзя ли как-то обернуть это в свою пользу.

Вытащив мобильник, он набрал Мика Карнса.

– Привет, Мик.

– Ну как ты, Мэтт?

«Ну и как ответишь на такой вопрос?» – подумал Джексон.

– Нормально. Можешь говорить?

– Повиси на трубочке.

Джексон представил, как Мик встает из-за своего письменного стола в Ллойд-хаусе, небрежно кивает коллегам и направляется в сторону недавно отремонтированных и сверкающих хромом и фаянсом «удобств».

– Опа, так-то лучше.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал.

– Выкладывай, – отозвался Мик, ни секунды не колеблясь.

– Хочу, чтобы на кое-что взглянули криминалисты.

– Ты что-то нашел? – голос Мика задрожал от предвкушения.

Джексон рассказал о своей находке.

– Книга? – в голосе Мика явственно слышалось сомнение. Это была явно не та зацепка, на которую он рассчитывал.

– Не думаю, что ты найдешь там какие-то «пальчики», Неон далеко не дурак, но что-нибудь латентное вполне может обнаружиться, – сказал Мэтт. – Ну и надпись, конечно, может что-то подсказать.

– О'кей. Я понял.

Джексон почувствовал разочарование Мика.

– Какие-то проблемы?

– Только обычная.

«Ресурсы», – ответил за него Мэтт. И тот небольшой факт, что Мик работает втихую. Никак нельзя, чтобы Маркус Броун прознал.

– Мне в этом вынужденном отпуске париться еще как минимум пару недель, а это слишком важно, чтобы ждать. Так сможешь?

– Постараюсь. Книга у тебя сейчас с собой?

– Да. Я у себя в доме.

Он услышал, как Мик втянул воздух сквозь зубы.

– Прямо сейчас приехать не могу. У нас совещание. Около трех нормально?

– Буду ждать, – заверил его Джексон, нажимая на «отбой» и мысленно застонав от мысли провести хоть сколько-нибудь значительное время в месте, которое он некогда назвал своим домом.

Еды здесь не было никакой, равно как молока, чая и кофе. Ощувив непривычный с некоторых пор голод, Джексон вышел из дома и вскоре углубился в более плотно застроенный район, который местные именовали «деревней». Органический кофе и веганский завтрак его

особо не вдохновляли. Хотелось чего-нибудь попроще и посытней, без всех этих новомодных штучек.

Искомое заведение обнаружилось на Силвер-стрит. Внутри практически пустой кафешки Мэтт заказал сэндвич с беконом на белом хлебе и кружку чая.

Ожидая заказа, он размышлял о «Джоне». Совершенно непонятно, объявится его ночная гостя снова или нет. «Все может зависеть от того, насколько серьезно она больна – может, ее прогноз вообще смертелен. И все же отбивалась эта девица как тот, кто решительно намерен выжить. Интересно, сколько народу она убила?» – подумал Джексон. В последние годы преступления, связанные с применением оружия, которые одно время пошли на спад, вновь на подъеме. Если и не огнестрел, так поножовщина, – и, соответственно, торговля нелегальным оружием выросла до вызывающих озабоченность величин.

Принесли сэндвич с беконом. Мэтт раскрыл его, выдал изнутри коричневого соуса, сложил обратно и откусил. Чай был хороший, густой и крепкий. Джексон прожевал, проглотил и отхлебнул из чашки.

Глянув сквозь запотевшее окно на улицу, он прикинул – и уже далеко не первый раз, – не проходил ли Неон именно этой дорогой. Чем тот вообще занимался весь день? Торчал часами в мастерской, выдувая стекло? Кстати, а не имел ли Неон какое-то отношение к черному рынку краденых световых вывесок? Не проснулся ведь он вдруг однажды с мыслью превратить убийство в искусство перформанса! Как и все серийные убийцы, наверняка начинал с малого, оттачивал свои умения перед тем, как перейти к чему-то действительно крупному... Джексон уже потратил бездну времени, гадая, где Неон живет. А может, лучше сфокусироваться на том, где он *раньше* жил, изучая свое ремесло, – до того, как перенести свое световое шоу на улицы Бирмингема? Может, где-то в пределах того же Лас-Вегаса?

16

– Вид уже совсем другой, более отдохнувший, – заметил Мик, быстро шагая через прихожую в кухню. В руке у него был чемоданчик-дипломат, в котором, как предположил Джексон, лежали пластиковые пакеты для улики.

– Завязал с бухлом, – буркнул Мэтт, хотя это была, скорее, желаемая правда. Возвращаясь из кафе, он действительно решил, что надо бы завязать, хотя б на время. Пусть даже на совсем короткое. Сначала надо прищучить Неона, это самый первый пункт в списке его желаний. А дальше по-любому ничего уже не будет играть никакой роли.

– Не хочешь чайку? – спросил он.

Мик помотал головой.

– Нету времени. – Вытащив из кармана пару латексных перчаток, он натянул их на руки. – Ну-с, и что у нас тут?

Джексон раскрыл перед ним книгу.

– Видишь надпись внутри?

Узкое личико Мика скривилось от отвращения.

– Попробую прямо сейчас передать это эксперту по документам. Придется втихаря, чтобы Броун ничего не пронюхал.

Джексон благодарно кивнул. Когда он только поступил на службу в полицию, работы у экспертов по документам было невпроворот – письма с требованиями о выкупе или с угрозами писали тогда по старинке, от руки. В цифровой век необходимость в подобной экспертизе практически отпала, что было ему только на руку. Книжке «Из Лас-Вегаса с любовью» наверняка не придется долго ждать своей очереди.

– Кстати, у тебя есть какие-то контакты в полиции Невады?

– Нет, если не считать Гарри Босха, – ухмыльнулся Мик, упаковывая книгу в пакет и наклеивая на него ярлык. Вымышленный детектив Майкла Коннелли²¹ пользовался у их коллег большим успехом. – Погоди-ка минутку, – добавил вдруг Карнс, вдохновенно оживляясь, – а как насчет той тетки, что приезжала в прошлом году?

Джексон порылся в памяти. Это было не совсем то, о чем он думал.

– Эксперт-криминалист... Красински или Красовски?

– Козловски.

– Точно.

Гостья из США провела в Западном Мидленде ровно сутки – в рамках исследовательской работы, касающейся преступлений с использованием холодного оружия в Соединенном Королевстве. Джексон тогда подумал, что лучше бы ей сосредоточить свое внимание на столице, хотя с той поры число зарегистрированных случаев поножовщины в Западном Мидленде выросло как на дрожжах.

– Попробую ее зацапать, босс, – произнес Мик с шутовским американским акцентом. – Может, она и знает каких-нибудь нормальных копов в тамошних краях. А что ты задумал?

– Да вот размышляю, не является ли интерес Неона к Лас-Вегасу на самом деле в некотором роде ностальгией.

– Ты думаешь, что он *жил* там?

– Никаких свидетельств для такого предположения пока что нет, но если он бывал в Лас-Вегасе, то не исключено, что именно там и совершил первое убийство.

Мик скривился.

²¹ Вообще-то вымышленный детектив Гарри Босх служил в полиции Лос-Анджелеса, штат Калифорния, хотя действие некоторых романов М. Коннелли действительно разворачивается на территории Лас-Вегаса и штата Невада.

– А ты вообще представляешь, сколько народу бывало в Лас-Вегасе?

– Исходя из того, что он – гражданин Британии, я все равно думаю, что попытаться стоит.

Пара-тройка других идей, стоящих разработки, тоже потихоньку копошились в голове. Группа Джексона уже переговорила с кучей людей, хорошо знающих неоновую индустрию. Практически ничего существенного выяснить не удалось. Может, они задавали не те вопросы... Джексон был решительно настроен попытаться еще разок.

Мик глянул на часы, а потом на ковер.

– Это твоя кровь?

– Порезался.

Мик с подозрением оглядел Джексона.

– А тебе разве не пора? – многозначительно поинтересовался тот.

Мик неодобрительно посмотрел на него, но больше ничего не сказал и направился к выходу.

Мэтт проводил его к двери.

– Есть что-нибудь новенькое по делу?

– Броун распорядился повторно опросить тех ребят из отдела по уборке мусора.

– Гениальная мысль.

Мик удивленно обернулся, словно не веря, что у Джексона нашлись в адрес Броуна хоть какие-то хорошие слова.

– И это всё? – не отставал Мэтт.

Мик сглотнул.

– Пока что только идея. Не подтверждено.

– Но?...

– Он хочет организовать спецоперацию под прикрытием, – сказал Мик. – Использовать кого-то из наших женщин как приманку.

– Удачи ему в этом. Есть желающие?

– Пока что нет.

– Будем надеяться, что все так и останется.

«Рискуя жизнью кого-то из своих, Броун просто сошел с ума», – подумал Джексон.

Они распрощались, и Мэтт проследил, как его друг идет к машине. Занявшись наконец-то хоть чем-то полезным, он ощутил короткий душевный подъем, но теперь вновь почувствовал себя совершенно опустошенным и оторванным от реальности. На обратном пути из «деревни» набрал основных вещей вроде хлеба, молока и масла, но в мыслях по-прежнему не выходил за рамки сиюминутных потребностей. Несколько последних месяцев он либо вообще забывал поесть, либо заказывал пиццу или что-нибудь из китайской или индийской еды навынос. Случайный сэндвич на ходу, как этим утром, – это было для него нормально. Все остальное – нет. Ну разве можно представить себе одинокого вдовца, с аппетитом уплетающего какие-нибудь деликатесы в ресторане? Где-то в горле возник тяжелый горестный ком, который Джексон побыстрее проглотил, прежде чем тот успел его окончательно задушить.

Схватив куртку и бумажник, он направился к «Мини» и поехал в ближайший супермаркет. Закупкой провизии в семье обычно занималась Полли. Сам Мэтт уже много лет не покупал продуктов, не занимаясь готовкой. Незнакомый с расположением магазина и толком не зная, за чем, собственно, пришел, он протолкался здесь вдвое дольше, чем на самом деле требовалось. «Даже в камере смертников у человека всегда есть какие-то мысли насчет того, чего ему хотелось бы из еды», – подумал Джексон. Разве это не помогает сосредоточиться? Но сам он поймал себя на том, что полностью сбит с толку богатым выбором, и в конце концов остановился на упаковке говяжьего фарша, бутылочке соуса чили и банке красной фасоли. Несмотря на свои заверения Мику, прихватил и бутылку аргентинского «Мальбека».

Когда Джексон пересекал магазинную парковку, небо плевалось дождиком и мокрым снегом, заметно похолодало: когда он утром выходил из дома, было на несколько градусов теплее. И стемнело вдобавок. Вообще-то он даже обрадовался, что возвращается в свой прежний дом.

Когда Джексон свернул с дороги, фары выхватили из темноты фигуру, съжившуюся у него на крыльце. Он поискал глазами какое-нибудь транспортное средство и заметил мотоцикл – «Триумф стрит трипл 675», приткнувшийся возле живой изгороди.

Джексон припарковал «Мини», собрал с пассажирского сиденья покупки, вылез и запер дверцу.

Фигура поднялась при его появлении.

– Я вписываюсь, – произнесла она.

– Рад видеть тебя снова, Джон, – отозвался он.

17

Находясь в препаршивейшем настроении, Гэри уже в миллионный раз спрашивал себя: «Да как же, черт побери, мне еще привлечь внимание Джексона – да так, чтобы меня не поймали?»

Джексон, конечно, этого не знал, но Гэри заметил его в дешевом супермаркете – у парня просто нулевые стандарты, – неподалеку от того места, где тот жил и где Гэри совершил последнее убийство. Воспоминания о том чудесном вечере проплыли перед глазами в лучистом переливающимся свете. Почувствовав прилив тепла и приятный зуд внутри, Гэри воспользовался моментом, чтобы еще раз насладиться ими.

Мысли опять вернулись к Джексону. Вид его печальной, жалкой физиономии привел Гэри в такое пугающее волнение, что он едва ли не оставил всякую надежду. Вообще-то ничуть не исключалась вероятность того, что детектив собирается покончить с собой. А это *разрушит все к чертям собачьим*.

Гэри едва сдерживался, хоть и ненавидел, когда его одержимость брала над ним верх. «Теперь не время терять веру, все обязательно срастется», – настойчиво повторял он себе.

18

«Она почти посинела от холода», – заметил Джексон, выкладывая покупки в холодильник под ее внимательным взглядом.

– Не хочешь выпить? – он приглашающе махнул на только что приобретенную бутылку вина.

– Нет.

«Ну, естественно, куда ей пить при этих таблетках, на которых она сидит», – вспомнил Мэтт.

– Не возражаешь, если я выпью бокальчик?

– Да хоть упейся.

Джексон пожал плечами, открыл «Мальбек», налил щедрую порцию. Краем глаза заметил, что она изучает кухонную плиту с духовкой, кофемашину и американского стиля холодильник с кулером для воды. Наверное, ей нечасто доводилось видеть кухни вроде этой.

– Может, тогда просто холодной водички?

Она помотала головой.

Джексон отпил вина, опустил взгляд.

– Как рука?

– Болит.

– Да ты, гляжу, не из разговорчивых... – Это было попыткой хоть как-то перейти к более непринужденной беседе.

Она ничего не ответила.

– Ладно, как знаешь. – Джексон вытащил задвинутый под столешницу стул, уселся и похлопал по соседнему. Она тоже села, скорее, пристроилась на краешке. – Прежде чем мы...

– Мне нужны железные гарантии насчет завещания и всего остального, что ты обещал.

– Я как раз к этому подхожу, – спокойно ответил Мэтт. – Именно поэтому так важно, чтобы мы доверяли друг другу.

Она раздула ноздри.

– Так как же все это предполагается устроить и почему я?

«Потому что я больше не знаю ни одного наемного убийцы, а мне надо его убить, когда мы его найдем».

– У тебя совершенно другие контакты, чем у меня, и ты вращаешься в совсем иных кругах.

– Криминальных, ты хотел сказать.

– Совершенно верно.

– Неон – психопат. Так что вряд ли он знает людей, которых знаю я.

– Но вполне может знать, и в этом направлении стоит поработать.

Девушка на секунду прикрыла глаза. Джексон знал, о чем она сейчас думает: что все другие методы уже исчерпаны.

– В двух словах: ты работаешь в одном направлении, а я, с моим доступом к официальным каналам, – в другом. Получится просто классная комбинация.

«Скорее ужасающая», – подумал про себя Мэтт.

По скептическому выражению ее лица он мог судить, что она придерживается совершенно противоположного мнения.

– Итак, я помогаю тебе, – произнесла девушка. – Нам везет. Ты получаешь то, чего хотел. А потом что?

Теперь настал уже его черед на секунду прикрыть глаза.

Она встретила его взгляд с ледяным выражением на лице.

– Предположим, я убиваю Неона, и ты можешь считать, что отомстил ему.

М-да, жесткая формулировочка. Впрочем, полностью соответствующая истинному положению вещей. Джексон прокашлялся, по-прежнему медля с ответом.

– Дальше-то что?

– Если это произойдет, ты убьешь и меня, – проговорил он.

– Я делаю это в любом случае.

Мэтт пригубил еще вина.

– Верно.

– А откуда мне знать, что ты мне не врешь и, когда все закончится, ты в итоге не оставишь все свое добро какому-нибудь приюту для кошек или еще что-нибудь в этом духе?

– А откуда мне знать, что ты не пустишь мне пулю в башку в ту самую секунду, как я подпишу завещание?

Она шмыгнула, утерла нос тыльной стороной руки.

– Короче, вот что я предлагаю, – сказал Джексон. – Завтра я переговорю со своим адвокатом и отдам распоряжение, чтобы мою недвижимость переписали на тебя в случае моей смерти.

Огонек в ее глазах отразил удовлетворение. Чуть ли не впервые в ней промелькнуло хоть что-то человеческое.

– Также я составлю для одного из своих коллег документ, в котором будет написано: если до того, как Неон будет пойман, со мной случится нечто, э-э... необратимого свойства, то первым человеком, к кому постучатся в дверь, будешь ты.

Она кивнула.

– Но для того, чтобы оставить тебе свою собственность, мне нужно знать твое настоящее имя.

Она вся подобралась. Джексону пришло в голову, что, при всей своей уличной тёртости и коварстве натуры, эта девица мало что знает о том, как устроен реальный мир.

– Как я уже сказал, – повторил Мэтт, – нам нужно доверять друг другу, и, честно говоря, я чувствую себя несколько по-дурацки, называя тебя Джоном.

Он улыбнулся – в надежде, что даже у хладнокровных киллеров должно быть чувство юмора.

Тикали секунды. Он наблюдал за ее глазами, которые практически ничего не выдавали.

– Меня зовут Айрис Палмер, – негромко произнесла она наконец.

– Рад познакомиться, Айрис, – сказал Джексон. – Зови меня просто Мэтт.

19

– О'кей, – энергично продолжал Джексон, – для начала предлагаю пробежаться по подробностям расследования дела Неона. Останови меня, если понадобятся какие-то уточнения или объяснения. Лады?

Айрис пожала узкими плечами.

– Это было мое расследование, пока меня не отстранили по семейным обстоятельствам, – начал он.

– Ну да, из-за твоей жены.

Несколько растерявшись от того, что женщина, сидящая сейчас за его столом, может столь обыденно воспринимать случившееся с ним, Джексон едва не потерял нить повествования, не зная, как продолжить, – но все-таки продолжил, начав с самого первого убийства. После этого все покатилося как по маслу. Айрис сидела перед ним, хрупкая и сгорбившаяся, внимательная и напряженная. Он едва ли не наяву видел, как ее мозг обрабатывает информацию и делает умозаключения. Дважды она испускала вздох и едва заметно покачивала головой. Джексон не знал, что это означало: то ли то, что, по ее мнению, в полиции служили одни кретины, которыми Неон вертел как хотел, – а он и впрямь вертел ими как хотел, – или же дело представлялось ей совершенно безнадежным и она подумывала выйти из игры. Джексон молился, чтобы это было не так. Закончил он на той ночи, когда Маркус Броун явился к нему домой и забрал к себе для допроса.

– Вот гондон, – сказала Айрис. В некотором роде выказала солидарность, но Джексону не требовалось, чтобы она высказывала вслух то, что он и сам чувствовал. Однако Айрис не стала развивать эту тему.

Он осушил бокал, налил себе еще.

– Почему ты передумал насчет того, чтобы вчера вечером я избавила тебя от всей этой головной боли?

Джексон рассказал ей про книгу и про послание, которое та содержала.

– Она сейчас у тебя?

– Отдал проверить на отпечатки.

– Мечтать не вредно. Он просто издевается над тобой. Можно мне теперь воды?

– Конечно. – Джексон вскочил на ноги. – Нет проблем.

Он налил стакан воды и поставил перед ней так, как подсовывал бы кусок мяса аллигатору, и посмотрел, как она выпивает его одним махом. Доцедив последние капли, Айрис оставила стакан в руке и в молчаливом раздумье провела пальцем в перчатке по ободку.

– И что ты можешь сказать про нашего убийцу? – спросил Джексон.

– Все подготавливает заранее, делает все по правилам.

– По правилам?

– Готовится. Наносит удар. Подчищает за собой. Исчезает. Он профи, и он человек дотошный. Никаких цифровых следов он ведь тоже не оставил?

– Можно подумать, что тебя это восхищает.

Она поставила стакан – несколько сильнее стукнув доньшком о стол, чем от нее можно было ожидать.

– А еще он показушник, понтовщик, манипулятор и вообще редкостная сволочь.

Джексон догадывался, что Айрис знает множество людей, которые подходят под это определение.

– Способен выпустить пар, только когда доминирует над женщинами, – продолжала она. – И это говорит мне, что под всей этой крутизной он не нормальный мужик, а сопля на палочке, как и еще целая куча парней. Размазня.

– Размазня? – Это было явно не то определение, которое Мэтт с готовностью применил бы к Неону.

– Он ощущает свое ничтожество. Чувствует себя неуютно в своей собственной шкуре, вот и лезет на рожон. Считает себя лучше, чем есть на самом деле.

– Размазня в отношениях с женщинами?

Она наклонила голову – судя по всему, всерьез размышляя над вопросом.

– Наверняка. Думаю, он тот, над кем доминируют. Ты говоришь, что все жертвы были задушены?

– Да. – Джексон постарался не вздрогнуть, в отличие от Айрис, которую подобная тема, похоже, ничуть не беспокоила.

– Чем?

– Кожаной удавкой.

– И?...

– И что? – удивился он.

– Тонкой, толстой, какого цвета? – Она раздраженно побарабанила пальцами по столу.

– Он забирал их с собой.

– Удавка всегда оставляет отметину.

Грамотное замечание, выскажи его кто-нибудь другой. Но, услышав его из уст наемного убийцы, Джексон буквально покрылся холодным потом. Какого хрена он развлекает подобную личность у себя дома? Он потерял разум? Вполне вероятно – хотя какая разница, раз уж безвозвратно потеряно все остальное.

– Удавка предположительно изготовлена из черной телячьей или бычьей кожи, четырехсантиметров шириной. В первых трех случаях было создано серьезное давление на шею, щитовидный хрящ и подъязычная кость сломаны. В случае с моей женой, – голос Джексона слегка дрогнул, – он затягивал удавку рычагом, как жгут. Удушье было медленным и болезненным. Это не очень большое, но существенное отличие.

– С его стороны это было заявление, – безапелляционным тоном объявила Айрис. – «Я могу делать все, что захочу. Ты никогда меня не поймаешь, и я хитрей тебя». Кстати, хороший был ход – сохранить личность убийцы твоей жены в секрете, – добавила она. – Это должно было реально его взбесить.

– Ты считаешь, так можно продвинуться? Провоцируя его?

Айрис дернула плечом.

– Подзадорьте говнюка. Запутайте, выбейте из равновесия, чтобы он не знал, чего дальше ждать и от кого именно.

– Может сработать, – произнес Джексон нейтральным тоном. – Но это сопряжено с риском. Неон «закрыл» Джину Дженкс как раз потому, что она пыталась на него что-то нарыть.

Айрис пожала плечами – типа, ну и что тут такого?

– И с моей женой, и с этой журналисткой у него была достаточно четкая мотивация, – заметил Джексон. – В отличие от первых двух жертв, которые были выбраны случайно.

– А кто такое сказал?

– Они были приезжими, Айрис. И никак не были связаны между собой. Они не знали друг друга.

– Но они могли знать Неона. Ты проверял их телефонные звонки?

Он вскользь подумал, не подкалывает ли она его.

– Ну естественно!

– Никаких общих интересов?

– Между этими девушками? Никаких, насколько удалось выяснить.

– Тогда поищи еще раз. – Айрис смотрела строго перед собой. Джексон попытался «прочитать» ее и понял, что не может.

– Неон явно хорошо знаком с городом, – сказал он. – А все эти перестройки, перекрытые дороги и толпы рабочих в центре для него просто подарок.

– Но не по воздуху же он туда прилетал, – заметила она.

Мэтт мог перебить ее и сказать, что они уже все проверили, но решил дать ей выговориться.

– Такси, автобус или даже собственный легковой автомобиль исключаются, поскольку ему надо было еще и привезти весь этот неподъемный скарб, – продолжала Айрис. – Что позволяет предположить, как ты выражаешься, что у него есть фургон. Либо свой, либо берет у кого-то. Если берет...

– Тогда в процесс вписан кто-то еще. – Джексона неприятно кольнуло, когда он понял, что Маркус Броун предположил то же самое, а сам он эту идею всячески очернил.

– Не исключено, но владелец фургона мог и не знать, что именно затевает Неон.

Джексон считал, что в это трудно поверить, и прямо это высказал. Но Айрис оказалось трудно сбить с намеченной линии. Она продолжала рассуждать вслух:

– Неон может привести великое множество объяснений, чтобы стрелнуть машину у какого-нибудь приятеля, но тогда у него проблема, поскольку тот же самый фургон с теми же самыми номерами будет засечен вашими на записях с дорожных камер. В последний раз, когда я проверяла, в центре было больше четырехсот фиксированных камер наблюдения – по периметру и почти во всех общественных местах, – так что готова поспорить, что фургон у него собственный и что он меняет номера при каждой поездке. И у него хватает ума держаться только в слепых зонах.

Джексон почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. Айрис знала, о чем говорила, из собственного опыта. Она тоже действовала внутри городских закоулков, щелей и вообще таких мест, которых он никогда не видел, да никогда и не хотел видеть.

– Продолжай.

– Парк мусороуборочной техники. В таких местах тоже есть камеры. Ты проверял отъезды и приезды?

– Да. Ничего это не дало.

– Ты говоришь, что допрашивал рабочих после убийства Джини?

– Да, *мы* допрашивали.

– Один из них врет как сивый мерин. Единственный способ, каким Неон мог прокрутить подобный трюк, это иметь там своего человека. Кто-то пригнал одну из этих подметалок Неону, дал попользоваться, чтобы доставить тело, а потом отогнал назад.

«И опять-таки Маркус Броун, похоже, попал в точку, – осознал Джексон. – Но в образе мыслей Айрис есть одна прореха».

– На подметальной машине должны были остаться следы ДНК Джини. Но на тех, что мы проверили, – чисто.

– Может, плохо проверили. А может, ее подменили... Иногда можно взять подержанную подметалку из районов, там часто покупают списанные.

– Вряд ли, – сказал Джексон, не желая выяснять у Айрис, откуда ей это известно или зачем кому-то может понадобиться списанная подметалка. – Неон работал в пределах строгого временного лимита. Он не знал, как долго Джина Дженкс пробудет в Мидленде, задавая вопросы. Он должен был заткнуть ее, и побыстрее.

– А насчет ДНК – так он просто использовал мешок для трупов. Само собой разумеется.

Джексон почесал в голове. Он ведь старший детектив-инспектор, черт побери, а эта уличная прошмандовка, она же киллер, лучше разбирается в том, как вести расследование, чем большинство из его коллег! Он сообщил ей, что всех работников коммунальной службы планируется опросить повторно.

– Ты сам будешь опрашивать?

– Увы, нет.

– Есть имена?

– Да, в документах. А что?

– Твоих следователей самих надо в мусорщики отправить. Просто не может быть, чтобы там все было абсолютно чисто. – В ответ на его обиженный взгляд Айрис добавила: – Скажем так: я знаю кое-кого, у кого есть финансовый интерес в уборочном бизнесе.

Джексон нацепил на лицо маску спокойствия, словно обсуждал вчерашний футбольный матч, а не способы избавления от трупов.

– Погоди-ка секундочку...

Он принес из соседней комнаты свой лэптоп, раскочегарил его, подсоединил флэшку. Почувствовав, что Айрис заглядывает ему через плечо, развернул его так, чтобы ей не было видно.

– Вот тебе и доверие, – пробормотала она.

– Сейчас буду называть имена, – сказал Джексон, не обращая внимания на ее слова. – Останови меня, если услышишь что-то знакомое. Ахмед Хан, Дейв Уидоусон, Рахим Омоджала, Роджер Кинг, Бо Джан, Джордан Базвелл...

– Ростом примерно с меня, худой как щепка, глаза как маринованные яйца?

– Ну, раз уж ты упомянула...

– Его-его, – кивнула она. – Он из Ренны. Натуральный цыган.

Место, на которое ссылалась Айрис, представляло собой один из пригородов Дадли. Исторически это был буквально рассадник всяческого криминалитета. Похоже, что со временем некоторые вещи абсолютно не менялись.

– То, что он из кочевых, вовсе не делает его преступником.

– Да Джордан Базвелл продаст свое собственное дитя, если ему как следует заплатят! Он – слабое звено. Вроде ты говорил, что проверял телефонные вызовы?

– Мы прошерстили телефонные переговоры *абсолютно всех*, – обиделся Джексон, открывая папку и щелкая на нужном файле. – Вот: Джордан Базвелл... Два звонка на его номер с таксофона за пару дней до убийства Джини.

– Вот оно! Ты нашел этот таксофон?

– Мы нашли.

– Рядом была камера наблюдения?

– Нет.

Айрис прищурилась.

– Говорю тебе, Неон – профи.

– Ты думаешь, это он звонил?

– А кто же еще? – отозвалась она, закатывая глаза.

Джексон сделал себе мысленную пометку добраться до Джордана Базвелла раньше людей Маркуса Броуна.

– Возвращаясь к Джине Дженкс и пабам, в которых она выпивала... – начал он.

– И задавала дурацкие вопросы.

– И где мы вытащили пустышку, – добавил Джексон. – Потому что у тамошней публики принят нелепый кодекс молчания.

– А чего ты еще ждал? Коп в таком шалмане – все равно что «Ламборгини» на парковке у «Лидла»²². Твоя рожа просто не вписывается в интерьер.

– Думаешь, тебе больше повезет?

– Я не *думаю*. Я *знаю*.

Он почиркал в блокноте, вырвал страничку и передал ей.

²² «Лидл» – сеть дешевых супермаркетов.

– Выясни, с кем она общалась, если кто-нибудь до нее снизошел.

Айрис заметно подобралась.

– Послушай, я не отдаю тебе приказы, – примирительно произнес Джексон. Она стрельнула в него враждебным взглядом, ее рот сжался в тонкую струнку. – И не учу, как и что делать. Но нам действительно нужно объединить усилия и работать сообща.

Через томительную секунду Айрис пробежала взглядом по листку, скомкала записку и затолкала в задний карман джинсов.

– Что вообще за штучка была эта Джина?

– Энтузиастка. Страстно желала сделать себе имя.

– Ну, по крайней мере, она получила, что хотела.

Джексон так и не понял – то ли это была шутка дурного толка, то ли констатация очевидного факта.

– Она курила? – спросила Айрис.

Вопрос был совершенно правильный, и он это оценил.

– Курила. Поспрошай заодно, не выходила ли она на улицу покурить с каким-нибудь мутным типом.

– Как насчет расходов? – поинтересовалась Айрис.

– Что?

– Деньги позволяют разговаривать людей. Ты же коппер; должен вроде бы знать.

Мэтт вздохнул:

– Ладно. Все, что потратишь, я тебе возмещу.

– Когда?

«О господи!» – подумал он про себя.

– При следующей встрече.

– О`кей. Возвращаясь к Джине – где был брошен ее автомобиль?

– На парковке в Кейп-хилл.

– Есть фотка?

Джексон вернулся к ноутбуку. Пощелкав мышкой, вывел на экран изображение синей «Корсы» Джини, припаркованной в двух рядах от выезда и немного в стороне от него, и наклонил экран к Айрис, чтобы та могла как следует все рассмотреть.

– Покалякай со своими... «контактами», – сказал он. – Слухами земля полнится, вдруг выплывет что-нибудь ценное.

Она ответила ему каменным взглядом.

– Я уже говорила тебе: Неон не из тех людей, который станет разговаривать с кем-то из моего мира.

– Попытка не пытка.

Выражение у нее на лице подсказало ему, что он зря тратит ее бесценное время. Время, которого, может, у нее вообще не было.

– Так ты готова сделать это, в смысле, с... – Джексон замялся, закашлялся, потянулся за стаканом и обнаружил, что в нем почти ничего не осталось.

Губы Айрис скривились в некоем подобии улыбки. Судя по всему, ей доставляло удовольствие видеть, как он корчится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.